

«Принцип ненасилия требует усилия» Константин Кедров

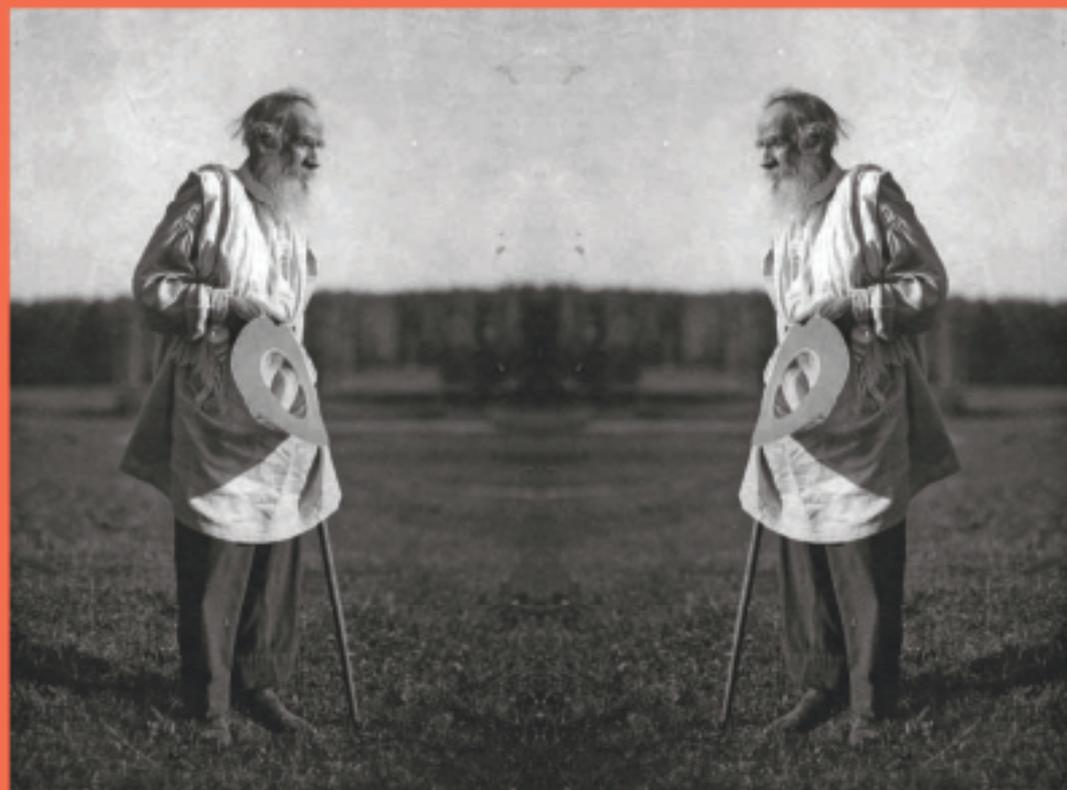
ПО

Ж У Р Н А Л

№ 1 (25) ̄ 2010

ЭТОВ

толСТОЙ!

Кто идет?

Д О О С

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ СТРЕКОЗ

ЭХО
планеты

ТА
ЭЗИЯ

ГАЗЕТА ПОЭЗИЯ
N 1/1995

ДАВАЙ

ТА
ЭЗИЯ

ЖУРНАЛ
N 1 (13) 2000

ПОЭТОВ
ДЛЯ ПОЭТОВ

ИНТЕРВЬЮ
ВУОЩЕМУ ТЕКСТУ

Самое интересное в поэзии — это текст. Это не просто набор слов, это целый мир, который создается в процессе чтения. Поэт — это человек, который умеет играть со словами, который умеет создавать образы, который умеет передавать свои мысли и чувства. Это искусство, которое требует большого таланта и большого труда. Поэт — это человек, который умеет видеть красоту в самом обычном, который умеет находить смысл в самом сложном. Это искусство, которое требует большого таланта и большого труда.

«Я хожу конём, если я на нём». М. Медведь

ЖУРНАЛ
№ 8 (28) © 2006

«Бог неба — Бах, Бах неба — Бог». М. Медведь

ЖУРНАЛ
№ 7 (19) © 2005

ЖУРНАЛ
N 1 (13) 2000

ПОЭТОВ
ДЛЯ ПОЭТОВ

МУКЛЕТ
БАК ПЕЛ

ЖУРНАЛ
N 1 (13) 2000

ПОЭТОВ
ДЛЯ ПОЭТОВ

МУКЛЕТ
БАК ПЕЛ

БАХ

БАХ

«Да здравствует антимир!» Андрей Вознесенский

ЖУРНАЛ
№12 (34) © 2010

ПОЭТОВ

АЛИСА В СТРАНЕ СТРЕКОЗ

Александр Журнал Поэтов №11-12 «Воскресный день поэзии»

ЖУРНАЛ
№11 (29) © 2001

ПОЭТОВ

РЫ РАДОСТИ

ЖУРНАЛ
№12 (34) © 2010

ПОЭТОВ

ВРЕМЕНИ

Лев Толстой и другие

2

ТолСТОЙ! Кто идет! (вступительное слово гл. редактора), Лев Толстой

3-4-5

Константин Кедров

6

Леонид Столович

7

Виктор Ахломов, Лев Толстой

8

Елена Кацюба

9

Сергей Бирюков, Лев Толстой

10

Ганна Шевченко, Кирилл Ковальджи, Лев Толстой

11

Алина Витухновская, Лев Толстой

12

Алексей Торхов, Юлия Андреева

13

Александр Моцар

14

Ольга Адрова

15

Александра Заболотская, Ирина Бессарабова, Лев Толстой

16-17-18-19-20

Валерия Нарбикова

21

Эйлин Ни Куллинан, Леся Тышковская, Юрий Метелкин

22

Виктор Клыков

23

Анатолий Кудрявицкий, Кристина Зейтунян-Белоус, Лидия Григорьева, Санджар Яньшиев

24

Александр Лысенко, Хадаа Сендоо

25

Евгений Степанов, Александр Еременко, Лев Толстой

26

Галина Мальцева, Сергей Цимбаленко

27

Лоренс Блинов, Андрей Корвин, Лев Толстой

28-29-30-31

Татьяна Бонч-Осмоловская

31

Лев Толстой, Наталья Фатеева

32

Ольга Ильницкая, Алексей А.Шепелев, Ирина Силецкая

33

Герман Виноградов, Денис Безносков, Лев Толстой, Вилли Р. Мельников

34

Владимир Аристов, Александр Вепрёв

35

Лев Толстой, Геля Воронина

36

Иззет Меликова, Лев Толстой

37

Маргарита Аль

38

Алла Кессельман, Лев Толстой

39

Андрей Врадий

40

Игорь Яркевич

41

Дмитрий Чирказов

42

Владимир Монахов Света Литвак, Наталья Никифорова,

43

Феликс Гринберг, Лев Толстой, Евгений В. Харитоновъ, Александр Бубнов

44-45

ЛитературовИдение. Лия Либерова

46

Мухаммед бен Рашид Аль Мактум

47

Милагроса Ромеро Сампер

48

Рикошет. Э.Язданов

Толстой! Кто идет?

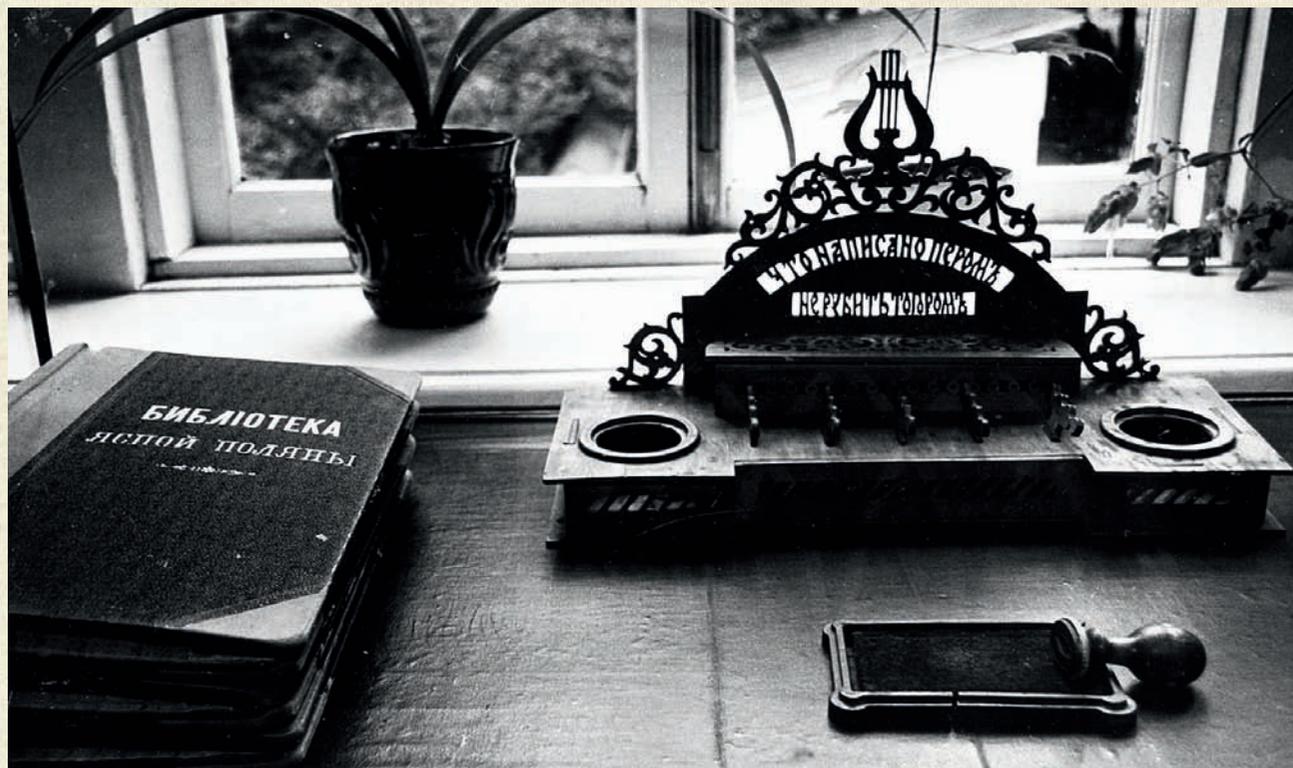
«**В**ойна – вой на». Толстой пресытился войной на войне. Он храбро оборонял Севастополь. Награжден Георгиевским крестом. Он участвовал и в Кавказской войне – привез оттуда «Кзаков». Вывод для храброго офицера довольно странный: «Зло никогда не уничтожается злом. Но только добром уничтожается зло». То, что написано в Евангелии, Толстой возвел в закон всемирного тяготения. И ему поверил весь мыслящий мир.

Эйнштейн назвал Толстого самым любимым автором. Ему понравилась притча графа, вывезенная из башкирских степей, «Много ли человеку земли надо». Человек от рассвета до заката должен обойти участок земли, который получит по бросовой цене. Ему хотелось захватить как можно больше пространства, но он не рассчитал силы. Закат уже близок, а конечная точка еще далека. Он бежит из последних сил и, замкнув круг, падает замертво. И понадобилось ему лишь несколько аршин земли – для могилы. Чехов возражал: человеку не несколько аршин земли нужно, а весь мир! Может, намекал на «Войну и мир»?

Граф «непротивленец» активнее всех противился злу. «Непротивление злу насилием» правильнее назвать – «противление злу ненасилием». Ну не хотел граф насильничать. Он свое отстрелял в молодости и в Севастополе вдоволь навоевался, а вместе с Болконским – на поле Аустерлица, и на Бородинском поле. Теперь его битва в других пространствах. ♦♦

Константин Кедров

главный редактор

Из истории ДООСа

Дѣвочка поймала стрекозу и хотѣла рвать ей ноги. Отецъ сказалъ: «Эти самая стрекозы поютъ по зарямъ». Дѣвочка вспомнила ихъ пѣсни и пустила.

Лев Толстой

из «Новой азбуки»

*Что написано пером
не рубить топором*

Чернильный прибор на письменном столе Льва Толстого в его кабинете в Ясной Поляне.

Фото Виктора Ахломова

Из поэмы

«Анафема Льву Толстому»

море и океан – анафема
небо и ураган – анафема
лев морской – анафема
лев Толстой – анафема

Рак Толстой
Кrab Толстой
Слон Толстой
Лев Толстой
Love Толстой

ах, Левин, Левин
прощай, Каренина
здравствуй, паровоз с телом Ленина

анафема и осанна
умер лев на поляне
как паровоз на Анне

туда – сюда поршень
как ленин в польше

любовь к Карениной Анне
греховна и непорочна
весь мир ее продолжает
и держит в своих объятьях
то шлейф ее
то все платье

– Ханá мне, – сказал
и уронил термометр
ртуть ртуть ртуть ртуть
Слезы графу
на мертвых щеках утрут
и понесут
над толпой
как перышко
над полями
Анафема в вышних
и на земли
Война и мир
Анна Каренина

Рисунок Игоря Ревякина
Специально для ПО

Константин Кедров

доктор философских наук, ДООС – стихозавр

Лев **ТОЛ** –
СТОЙ, кто идёт?
уходя **УХО** –
ДИТ дитя
теряя солнце
в параллельной галактике
КТО с мечом к нам придёт **НИ-**
КТО
НИК–
НЕТ от меча и **ПОГИБ**
ГИБ –
НЕТ галакти**КА**
ПАЕТ НАСТУ
ТЬЕ ТРЕ
ЛИ мы все **УМЕР**
ДА но не **НАВСЕГ-**
ДА НАДЕЖ
ДА ВСЕГ

С наивностью почти что детской
С наивностью полусвятой
Читал Толстого Достоевский
И Достоевского Толстой

Есть в России двойной святой:
Достоевский и Лев Толстой

ДЮМА И МИР

Кардинал Мазарини вышивает ришелье
Королева Анна легла под поезд Карениной
И только царь зверей Лев
Еще не знает что он Толстой
И только царевна Софья
Не подозревает
Что став Андреевной
Она семь раз перепишет «Войну и мир»
А мир даже не мечтал
Что его прославит Лев
На весь мир

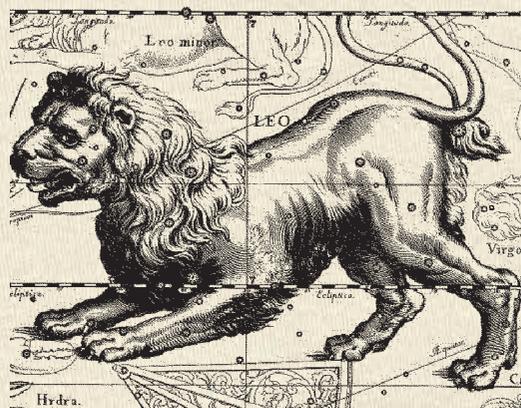
ВОЙНА И МИР

(палиндром)

КУТУЗОВ ВОЗУ ТУК
ВОР ВОН В РОВ
ВОР В НОВ РОВ
НОРОВ ВОРОН
НАПОЛЕОН НО ЕЛ О ПАН
ВИНА МИНА АН ИМ А НИВ
И В РАНЕ МИНА РВИ
ЛЕВ ТОЛ 100 И 100 ТЕЛ ВЕЛ
ВЕЛ ЛЕВ 100 ЛЕТ ТЕЛ 100 ВЕЛ ЛЕВ

Не могу, мол, чать

*Литературный ремикс Константина Кедрова
Пьеса построена по мотивам воспоминаний
Бунина и Чехова о Толстом.*

Лев из атласа Гевелия

Лев Толстой. Иной раз лучше и помолчать. На кой черт я отредактировал Евангелие? Выбросил или отредактировал все чудеса. Получилась скучища смертная.

Бунин. А я отредактировал вашу «Анну». Выбросил все лишнее. Получилась скучища смертная и глупость.

Лев Толстой. Да, американцы выбросили из «Войны и мира» описание войны. Никакого успеха. Зато потом полный текст с прилавков смели.

Шкловский. А вы хотели отказаться от лишнего. Писать лаконично, как в Библии.

Лев Толстой. И написал «Фальшивый купон» никому не нужный. Хотя литературоведы его расхваливают.

Шкловский. Да все это ваше опрощение все равно, как оскпление Холстомера. Хлыст вы и скопец, Лев Николаевич, тоталитарный сектант.

Лев Толстой. А убери мои заблуждения, и ничего не останется. Получится отредактированная «Каренина», по господину Бунину. Я помню, вы ко мне с Горьким в Ясную Приезжали. Чего-то хотели.

Бунин. Да закурить мы хотели, поест, выпить.

Лев Толстой. А я вам: «Откажитесь от этой отравы!»

Бунин. Зато на станции в буфете мы чуть ни залпом выдрили всю водку, закусили зелеными котлетами и жадно затащились махоркой из козьей ножки.

Лев Толстой. Приходили ко мне из Общества трезвости. Предлагали возглавить. А я им: «Это что за общество такое? Собираются, чтобы не пить? По-моему, это глупость. Раз уж собрались, надо выпить».

Чертков. Вот всегда вы, Лев Николаевич, непоследовательны. Зачем комара убили?

Лев Толстой. Какого еще комара?

Гольденвейзер. Да того, что к лысине Черткова присосался. Вы тогда так лихо привстали, изловчились и хлоп по лысине. Чертков вскочил с кровавым пятном.

Чертков. Что вы наделали!

Лев Толстой. А что я наделал?

Чертков. Вы же убили живое существо!

Лев Толстой. Нельзя же жить так подробно.

Достоевский. Вот и я начитался ваших трудов да и ляпнул – весь мир не стоит одной слезинки ребенка. Или

наоборот – одна слезинка не стоит... Тьфу, черт, запутали вы меня вконец.

Лев Толстой. Во что запутал?

Достоевский. Вконец. Вместе. Не «в конец», а вконец.

Лев Толстой. В конец лучше. Сразу видно, на войне не бывали.

Достоевский. А вы?

Лев Толстой. А я всю севастопольскую войну прошел и героя получил. Да только чушь все это. Нет никакого героизма. Все подвиги сочиняют в штабах. А на войне воюют. Просто убивают друг друга, пока все кровью не захлебнутся. Потом одни кричат – победа! Другие говорят – поражение. На войне побед не бывает. Война уже поражение.

Бунин. Ну вот вы опять за свое.

Лев Толстой. Да уж не за ваше. У вас там в «Темных аллеях» одни лобки да сиськи.

Бунин. Нет у меня там никаких сисек. Лобок темнеет, а сисек нет.

Лев Толстой. И плохо, что нет. Что за лобок без сисек.

Чехов. Вот и я начитался в юности Эмпедокла, и потом всюду титьки торчали, даже в облаках.

Лев Толстой. Это бывает. Я тоже иной раз на холм смотрю, а титьки мерещатся. В юности от похоти, а теперь, видать, от маразма. Даже на прогулки перестал ходить, чтобы не возбуждаться.

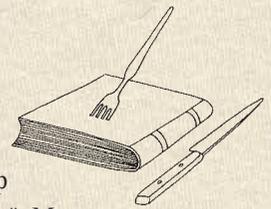
Чехов. Ясное дело. Вот ведь какой год воздержание проповедуете, а половую любовь называете гадостью.

Лев Толстой. Ужасная гадость, мерзость и скотство. Вчера с Аксиньей на сеновале опять бес попутал. Вот она сено разгребает. Вот только посмотрите, какие ягодицы. Таких у барышень не бывает. Аксиньюшка, подь сюды! Мы тебе гостинец дадим... А вы говорите Эмпедокл. Тут и без Эмпедокла голова кругом. Вон какие холмищи дыбятся.

Чехов. Если ружье висит в первом акте, то во втором оно выстрелит.

Лев Толстой. Это у вас, молодых, все стреляет в первом акте. А в моем возрасте сплошь и рядом висеть висит, а стрелять не стреляет. То и хорошо, что стреляет, а то детишки всякие незаконнорожденные. Один грех да морока.

Чехов. Как врач замечу, что половая жизнь в любом возрасте для здоровья полезна.

Лев Толстой. Ну так я пойду, а вы тут с Аксиньюшкой погуляйте. Аксиньюшка, тут тебе молодой барин гостинчик принес.

Чехов. Вы, Аксинья, меня не бойтесь. Я врач. От меня еще никто случайно не забеременел.

Аксинья. А не случайно?

Чехов. Тем более.

Лев Толстой. А я в ваши годы такой инкубатор расплодил, что до сих пор с ними не могу разобраться. Все сыновья идиоты. А дочери так и норовят замуж или в монахини. Не знаю, что хуже.

Чехов. Помилуйте, Лев Николаевич, да куда же еще дочерям податься! Либо замуж, либо в монахини. Не в публичный же дом идти.

Лев Толстой. Вот я и говорю, какая гадость это монашество, а замужество еще хуже. Уж лучше половая любовь, там хоть сиюминутная радость. Так они и этого не хотят. Все влюбляются в идиотов.

Чехов. Что делать, Лев Николаевич один, а идиоты так и роятся. Это я вам как врач замечу.

Лев Толстой. Пчелы-то они умнее. У них одна матка за всех баб отдувается. Все остальные трудятся денно и нощно. И все довольны, и все счастливы.

Чехов. Откуда вы знаете, что все счастливы?

Лев Толстой. Да уж знаю, мне пчелы нажужжали.

Чехов. Знаю, Лев Николаевич, какие пчелки вам про счастье жужжат. Вашу пчелку, небось, Аксиньюшкой кличут.

Лев Толстой. Да, крестьяне живут естественной, природной жизнью. И очень на пчел похожи. А мы вот с вами из роя выбились и только людям жить мешаем.

Аксинья. Как-то вы, господа, смешно изъясняетесь. Мне аж в грудях щекотно.

Лев Толстой. То-то они у тебя торчат, аж смотреть тошно.

Аксинья. А вы и не смотрите.

Лев Толстой. Я бы и рад не смотреть, да не могу оторваться.

Аксинья. Ха-ха-ха! Какой вы пушистый весь, как одуванчик, а все озорник.

Лев Толстой. Одуванчик... Вот он, народ. Что ни слово, то золото. А, небось, молодой барин все ж милей и пригожей.

Аксинья. Молодой-то барин, вон весь в очках, а вы меня в стогу без всяких стекляшек в сумерках заприметили.

Чехов. Да, не любит меня простой люд, наверное, потому, что я сам из простых. А вы граф. От вас не то что крестьянки, все пчелки в округе млеют.

Лев Толстой (довольно). Все эти титулы такая гадость, хуже любви половой. Проще надо быть, проще.

Чехов. Да вы уж вон как опростились. И босиком, и в рубахе, а за сто верст видно, что граф Толстой. Мало того, что граф, так еще и Толстой. Мало того, что Толстой, так еще и граф. А мы как ни пыжимся, в подметки вам не годимся.

Бунин. Не знаю, как вы, а я в подметки никому действительно не гожусь. Даже графу Толстому. Простите, Лев Николаевич, при все уважении.

Лев Толстой. Да на что мне подметки. Я босиком хожу, как Аксинья. Иди ко мне, босенькая, а этих не бойся. Они только так постоят, посмотрят, а сами ни-ни, кишка тонка.

Аксинья. Срамники вы, Лев Николаевич. Нешто можно прилюдно. Они же всем раззвонят. Вам потом поруганье от Софьи Андреевны.

Лев Толстой. Раззвонят, как пить дать, раззвонят... ну я с тобой не прощаюсь, вечер на сеновал приду.

Аксинья. С господами?

Лев Толстой. Не бось! Один приду, а гостинцев за всех троих принесу.

Аксинья. Да вы во всем за троих, даром что одуванчик. Ну сущий леший. Бородой-то защекочете.

Лев Толстой. Защекочу, ох, защекочу.

Чехов. В человеке все должно быть прекрасно – и борода, и мысли.

Лев Толстой. Прекрасная мысль! А борода, вы не расстраивайтесь, Антон Павлович, еще вырастет. Вы не стригите ее, как я. Она и вырастет.

Бунин. Лично я предпочитаю бритые. И непременно с английским одеколоном. Дама нравится. Спасибо, Лев Николаевич, за прием. Мы с Антоном Павловичем на станцию. Там поезд уже свистит.

Лев Толстой. С богом. Не поминайте лихом. Как там у вашего Блока: «Молчали желтые и синие, в зеленых плакали пели». А мы с Аксиньей «под насыпью во рву некошеном». ♦♦

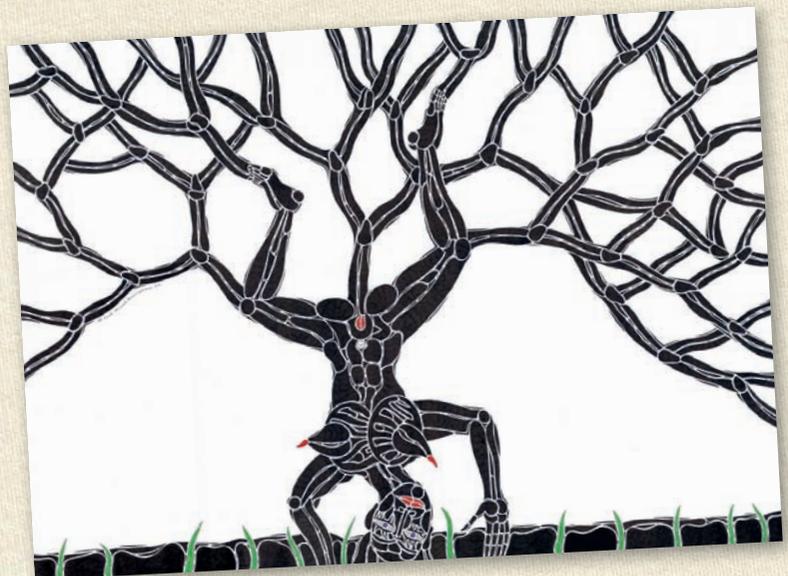

Рисунок Михаила Молочникова

ОН УШЕЛ из Ясной Поляны В БЕССМЕРТИЕ

Леонид Столович

доктор философских наук
Тарту, Эстония

Столетие со дня смерти, в отличие от столетия со дня рождения, вполне определяет историческую значимость личности. Множество людей уходило из семьи. «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему». Это всегда событие драматическое, а порой и трагическое, но, как правило, не имеющее мировой значимости. Но уход 82-летнего Льва Толстого в ночь на 28 октября 1910 г. из Ясной Поляны и вскоре последующая его смерть буквально всколыхнули весь мир. Исследователи и сейчас по-разному трактуют это многозначное событие. Ясно только одно: всё, что связано с жизнью и творчеством этого человека, смерти не подлежит.

О том, что созданные им творения вошли в художественную сокровищницу человечества, ни у кого сомнения не вызывает. Но его религиозно-нравственное учение, собственно «толстовство», многими – от Константина Леонтьева, Ленина, Бердяева, Ивана Ильина вплоть до Святейшего Синода, отлучившего его от православной церкви, – порицалось, хотя и по разным основаниям. Однако смею предположить, что и его учение несет на себе печать гения. Не в том отношении, что оно бесспорно правильно, бесспорно верных учений вообще не бывает. Любое учение живет, пока оно волнует людей, затрагивая их жизненные интересы и потребности, вызывая не только одобрения, но и несогласия, острые споры.

Одним из таких спорных вопросов, который не перестает волновать людей, является знаменитый толстовский тезис о непротавлении злу насилем. Искренно считая себя христианином, Толстой в то же время полагал, что нравственный эквивалент всех великих религий и учений мудрейших людей един. Свобода, по его убеждению, есть необходимое условие христианской жизни. Поэтому Толстой непримиримый противник всяческого насилия, даже насилия в отношениях со злом. «Одна из главных причин бедствий людей – это ложное представление о том, что одни люди могут насилем улучшать, устраивать жизнь других людей», – читаем мы в его трактате «Путь жизни». Это относится к любому государственному насилию, и к насилию революционному. Немало людей провозглашало необходимость следования принципу непротавле-

ния. Христос, как известно, провозгласил его в нагорной проповеди: «Не противься злему» (Мф.5, 39). Но этот нравственный принцип получил всемирную известность прежде всего благодаря Толстому и был излюбленной мишенью противников толстовства.

По Толстому, насилие, которое совершают люди во имя уничтожения зла в их понимании – «побой, увечья, лишение свободы, смерть, – уже навверное зло». В 1925 г. Иван Ильин выпустил книгу «О сопротивлении злу силою» как философско-религиозное основание активной борьбы с большевизмом. Уже название книги Ильина полемически направлено против учения Льва Толстого о непротавлении злу насилем. Значительная часть книги представляет собой критику этого толстовского учения, в котором Ильин видит «учение, узаконивающее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности».

Но далеко не все соотечественники Ильина, разделявшие с ним эмигрантскую судьбу, отнесли к его книге положительно. Зинаида Гиппиус хлестко определила идею Ильина как «военно-полевое богословие». В.В. Зеньковский и Ф.А. Степун обвиняли Ильина в отступлении от христианских принципов, Н.А. Бердяев посвятил книге Ильина резко-критическую статью «Кошмар злого добра».

Спор продолжается и поныне. Даже в поэзии. Рассказывают, что Михаил Светлов дал задание молодым поэтам написать стихотворение на тему «Добро должно быть с кулаками». Лучшее всего с ним справился Станислав Куняев, написав стихотворение, начинающееся этими словами и напечатанное в «Дне поэзии» за 1960 год. Формула «Добро должно быть с кулаками» с тех пор ассоциируется с именем Куняева. При этом интерпретация этой формулы в куняевском стихотворении была такая: «И смысл истории – в конечном, / в добротном действии одном: / спокойно вышибать коленом / не уступающих добром!»

Другая точка зрения, несомненно, ближе к толстовской, у Игоря Губермана: «Добро, не отвергая средства зла, / по ним и пожинает результаты; / в раю, где применяется смола, / архангелы копытны и рогаты. / ... / Добро – это талант и ремесло / стерпеть и пораженья и потери; / добро, одолевающее зло, – / как Моцарт, отравляющий Сальери».

Изнасилованное зло порождает зло. Поэтому злом является всякий терроризм, в том числе и «прогрессивный». Действительное Зло несет в себе начало саморазрушения. Все империи прежде всего разрушают себя сами. В этом был убежден и противник насилия Махатма Ганди, глубоко чтивший Толстого и переписывавшийся с ним.

Можно спорить, в какой мере правомерно непротавление злу насилем, но бесспорно, что нельзя сопротивляться насилем Добру.

Можно быть с Толстым. Можно быть против Толстого. Но нельзя быть без Толстого. ♦

Кто идет? – Два Ильича

Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

Великому Плотнику из Назарета не повезло. Единственное документальное изображение своего лица Он оставил нам на полотенце, которое бросила ему Святая Вероника по дороге на Голгофу.

С этого нерукотворного образа художники всего мира списывают Его портрет. Нашему великому Учителю из Ясной Поляны с портретами повезло. В 1839 году в парижской академии наук было сделано сообщение об открытии нового способа сохранения изображений. Родилась фотография. По-русски – светопись. Рисовать светом стало доступнее и проще. Пользуясь новым изобретением, жена Его, Софья Андреевна, талантливая женщина однако, оставила нам десятки прекрасных портретов своего великого мужа, их многочисленных детей и внуков. А заодно и многих VIP-персон Ясной Поляны. Спасибо ей за это.

Мне, ДООСу-линзазавру, старателю XXI-го цифрового века, века аномальных природных явлений и глобальной монетизации духовного мира, можно сказать, и повезло, и нет. Не повезло, потому что поздно родился. В мой профессиональный объектив не попал мудрый, светлый, всезнающий и всепонимающий взгляд «зеркала нашей революции». Мне ни разу не удалось снять и главного закорючника этой революции. Пламенно сторевшего на работе революционера Владимира Ильича. А повезло мне зато в том, что в моей коллекции портретов замечательных людей Отечества есть два других Владимира Ильича. Дед и внук. И оба Толстые. Два Ильича в одном кадре! Этими снимками я пополнил фотосерию династии Льва Толстого. Сохранил времен связующую нить.

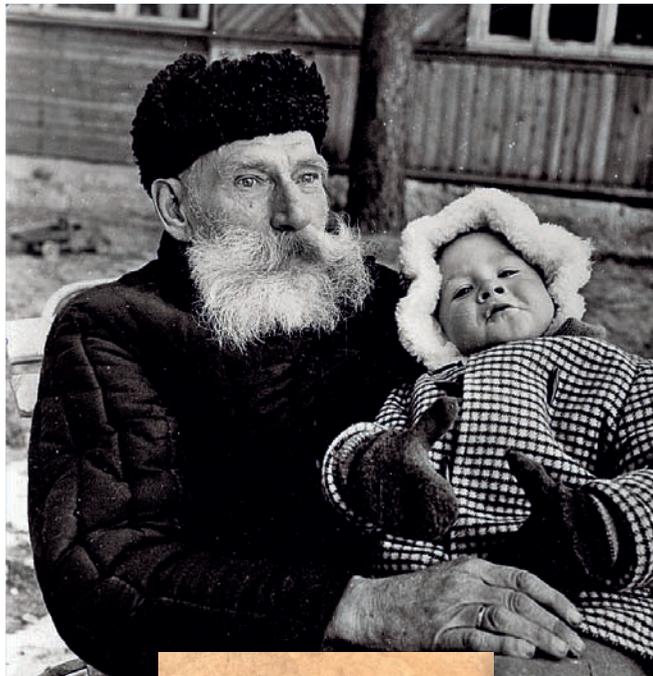

Фото Виктора Ахломова

Съль дѣдъ пить чай.
Дѣдъ! и мнѣ чаю дай.
— Вотъ тебѣ, внукъ, чай.
Пей, на себя не лей.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Вот они – два Владимира Ильича. Дед старается хоть бородой косить под своего великого предка. А маленький внук дорос сегодня до руководителя Ясной Поляны. И когда любопытные назойливые посетители музея спрашивают директора, правда ли, что он праправнук писателя по прямой линии, он коротко отвечает: «Лев Толстой – дедушка моего дедушки», и все становится понятно. А почти полвека назад маленький Вовочка, сидя у деда на коленях, не знал, что будет главным хранителем родового гнезда в Ясной Поляне. Однажды в подмосковном Троицке, где сделан этот снимок, в доме дедушки, Вовочка бежал к избе и вдруг с размаха рухнул руками и лицом на неструганный деревенский пол. Родители и гости, в ужасе оторвались от своего традиционного русского застолья и стали попере-

бой предлагать малышу взрослую руку помощи. На что его дедушка из дальнего угла избы дикторским голосом Левитана приказал: «Не трогайте! Сам встанет!» Видимо, для ребенка это было уже известным приказом. Он встал, не проронив ни единой слезинки, вытер измятым рукавчиком что-то лишнее, выскочившее по инерции из детского носика. Не обращая внимания на застольные ахи и охи, малыш мужественно измятым рукавчиком что-то продолжил свой путь к намеченной цели. Подтверждая уверенным шагом, выдержкой и харак-

тером точную генетическую связь с великим прадедом. И пошел... Вот вам и «кто идет»? Да Толстой идет и будет идти вечно. Рядом с нами. Помогая мыслями, душой и советами в нашем нелегком земном пути. Напоминая нашим израненным душам про главное дело жизни, ее назначение – РАДОСТЬ! «Радуйся

на небо, на солнце, на звезды, на траву, на деревья, на животных, на людей. И блюди за тем, чтобы, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается эта радость, значит ты ошибся где-нибудь – ищи эту ошибку и исправляй». Чувствуете библейский тон дневниковой записи? Толстой зовет радоваться всему нерукотворному. И даже людям. Хотя порой это дело, ой, нелегкое... ♦

Елена Кацюба

ДООС – libellula

i

кружево СНЕГА
С НЕБА
борода зимнего ФЕБА
шекспироФОБА
и шепот ФЕТА
поэтического ФАТА
ФАТОй времени
на старых ФОТО прикрыты

поручик Толстой
и штаб-ротмистр Фет
любили читать Канта

Кант сказал в «Zum ewigen Frieden»:
– Кончайте мировую корриду,
а то все придем
«К вечному миру»
на кладбище.

Фет промечтал: «Вечность – мы»
Толстой написал «Войну и мир»
а потом «Войну и мир»
исчезло из мира i с точкой
мир без точки продолжает войну

Krieg und Frieden
Krieg und Welt
Krieg und Wetter
крик и ветер
ветер
ветер
Огонь!

Фото-графика Елены Кацюбы

Фото-графика Елены Кацюбы

Памяти Андрея Вознесенского

Бабочки иного мира

(палиндром*)

Они видели лед и вино
Лак резьбы, зыбь зеркал
Их оды Веге – выдохИ
Узор вдоха – заход в розУ

Но в зареве севера звоН –
Цин-цин. Но взмахам звон – ниц-ниЦ
И нет их ада свече в садах и тени
Их усики сухИ
Иного бала бог онИ –
Ада, сносимого богом и сон сада

* «Елена Кацюба... это человек интернета. У нее есть, кстати, удивительный словарь – это палиндромы. Словарь палиндромов русского языка. Это удивительная вещь жизни». Андрей Вознесенский (1-й Всемирный день поэзии в Театре Ю Любимова на Таганке, 2000 г.)

К книге А.Вознесенского
«Дубовый лист виолончельный»

Внутри виолончели пчелиный рой –
виолончель беременна пчелой
1975

В Москве в Вознесенском переулке на воротах храма
Св. Андрея помещены геральдические символы Англии,
Шотландии и Ирландии – роза, чертополох и трилистник.

Роза, трилистник, чертополох –
дальний, глубокий, таинственный вздох.

Роза, чертополох, трилистник –
знаки цветочной мистики.

Чертополох, трилистник, роза –
напоминание, а не угроза.

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле, Германия

Речь о девальвации

девальвация поэзии
кажется опять проис
ходит

Дева-
львация
Дева – Льва
ация
или орация
в честь Девы
и Льва

Лев Толстой конечно
за плугом идет
и читает стихи Фета
«шёпот робкое дыханье,
трели соловья»
пританцовывает Лев
Николаевич
па-де-де из балета
«Корсар»
а за ним Дева
поэзии – львация
в белых тапочках
и пачке белоснежной
на черной пашне
аж страшно
за
лебединую песню
Девы-поэзии-львации

Тогда он сказал

...тогда он сказал
если меня не примут здесь
тогда примут там
если не там
так здесь
если не здесь
так не там
что еще есть
еще кроме там
и здесь?
не забудь
о последних
о каких?
ну о тех которые...
а...

а сыр а в них тужур
а бных волых а тур
а рыс а былт а бут
в атрых а брых а тут

вертын марты кырты
болты вертел коты
верчу марчу карчу
сморчи все чу да чу

быал пыит на чу
рао бырдык еэс
о бай свотре плачу
фурише горше объес

Некоторые полагают

некоторые полагают что
экономическая цензура
хуже идеологической
некоторые полагают
что экономическая цензура
лучше идеологической
некоторые полагают
что лучше это хуже
некоторые полагают
что хуже
что лучше
что ху
что лу
нект
полаг
нект

по мнению ученых
обезьяны понимают
концепцию смерти

если другие обезьяны
им ее объясняют
доходчиво

например играют
в то что умирают

знак равенства
в пространстве
искривленном
не равен сам себе

Рисунок Галины Мальцевой

Я жду дядю.
Я тру сьмя.
Я рву дули.
Я жгу сьно.
Я гну липу.
Я жму руку.
Не лги и не ври.
Не зли пса.
У пса зубы не тупы.

Лейте воду изъ шайки.
Гречиху сьйте чаще.
Завинти гайку.
Уйди изъ дому.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Песни рыбака

Ганна Шевченко

ДООС – пчела

Когда Лев Толстой сбежал из Ясной Поляны, он пошёл смотреть на витрины, в которых отражалась Москва. В витрине магазина стильной одежды стоял манекен модных джинсах.

Писатель любил рассматривать вещи, в которых не было людей. А вот одень в них человека, думал он, — и всё испортится. Люди могут испортить что угодно, даже хорошие джинсы.

Потом писатель вспомнил изречение Ницше, что вечные темы ходят по улицам, и пошёл искать. Он ходил, а мимо него двигалось множество тем, но все они были не очень вечные. Дойдя до метро, он решил, что нужная тема вполне может находиться под землёй, и спустился вниз.

В полупустом вагоне сидела девушка и держала пакет с рыбой. Толстой посмотрел на рыбу и решил о ней не писать. Но рыба оказалась настойчивой. Она с интересом смотрела на писателя сквозь прозрачную плёнку пакета. «Хорошие рыбы России», «песни рыбака», «рыбы Декарта», всё было, было, было. Избито, пережёвано, штампы, объяснял он рыбе, но она выскользнула из пакета и подплыла к писателю.

— Брысь! — шикнул писатель на рыбу, но из пакета появилась ещё одна. — Брысь! — шикнул он на вторую, но из пакета снова и снова появлялись рыбы. Они окружили писателя молчаливой стайкой и чего-то ждали.

Толстой кричал «брысь» и махал руками, словно пытался разогнать свору котов. Но рыбы не реагировали, потому что они были не коты. Они смотрели на писателя и отражались в его глазах. А там, на самом дне, отражалась витрина, в которой отражалась Москва, и стоял манекен в хороших джинсах. И теперь в этой витрине отражались рыбы, плывущие мимо витрины и отражающиеся в глазах проходящих мимо. Проходящие мимо, увидев рыб, думали, что они на дне, и начинали двигаться плавно, как водоросли. Теперь в глазах писателя отражалась витрина, в которой отражалась Москва, и стоял манекен в хороших джинсах, и плавали рыбы, в глазах которых отражались проходящие мимо, которые думали, что они на дне и двигались плавно, как водоросли.

Толстой достал блокнот и записал: чтобы потрогать гибнущее время, я надеваю белые перчатки, но прах минуты измельчён настолько, что кажутся песочными часы.

Он писал что-то ещё, а вагон всё ехал и ехал, и не было остановок на его пути. ♦♦

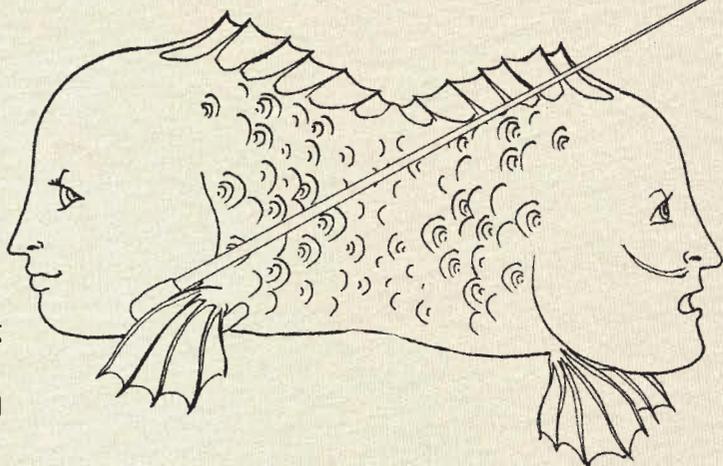

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Игорь Ревякин
Специально для ПО

Кирилл Ковальджи
ДООС – кириллозавр

Специально
для ПО

БЕДА 2010

Как в пустыне, выгорела влага,
и куда ни кинь — повсюду клин.
Неужели русский бедолага
будет называться — бедуин?

Уже внушили каждому
из дышащих, из нас:
скупайте воздух, граждане,
копите про запас!

Провеянный, проверенный
отборный кислород
на склады по конвейеру
спрессованный идёт.

Озон — международная
валюта из валют.
Подушки кислородные
из-под полы дают.

Жду время нормы суточной,
когда в полночный час
с любимой на минуточку
сниму противогаз.

Люби, Ваня, Машу.
Люби, Маша, Ваню.
У Даши руки были голы.
У Маши ноги были босы.
У гуся лапы были сини.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Tabula Rasa

Алина Витухновская
друг ДООСа

На пол брошены кисти.
Холст холокостом визгнет.
Похоть болот клыкастых.
Хохот в искусстве пасти.
Живопись станет прахом.
Хаосом – космос Баха.
Голос замкнется визгом.
Я отрекусь от истин.

Все становится русским.
Все становится грустным.

Автомобиль в убийстве.
Убийство в Автомобиле.
Ты был мне самым близким.
Мы были?..

Автомобиль могильство.
Убийство в Автомобиле.
Больно в осенних листьях
звонил мобильный.

Я убила себя убийственно.
Ты любил меня по-любительски.

Я сакрально ранена.
Ты крал мое сердце.
Я Каренину раннюю
роняю на рельсах.

Я – Анна с ускорением.
Я современна.
Новое поколение
Некро-стерва.

Я – Каренина «Мерса».
Я – Каренина Марса.
Мертвая в «Мерседесе»,
Я – все твоё мещанство.

Я – все твои куклы,
Все твои суки.

Смерть моя – искусство
твоей современности,
где безобразно все.
Пристегните Иисуса
ремнем безопасности,
ремнем безвкусы
к бессмертности!

Столичные лохи охали:
«Анна от Энди Уорхола!»
Кич как черная месса?
Мессидж мертвой к оглохшим
массам?

Имидж Толстого в литературном
агентстве
Создают кураторы новояза.
Кич как черная месса?
Сатанинская месь?
Так пиарятся «Мерсы»?
«Мерс-666».

Мертвая, в Мерседесе
Шепчет тебе по рации:
«Там, где кончается трасса,
Я ухожу в пространство».

Так пиарятся «Мерсы».
«Есть ли жизнь на Марсе?» –
Новый альбом Чарльза Мэнсона.
Чарльз
в чатах.

Кремировали ремиксами.
Отрывали тело кусками
масками
казались фары авто
и ее лицо. Максимум
они смотрелись мазками
(Импрессионистов).

На кладбищенском мглище
она была кукольно прекрасна.
Фарфорово-прилипшая
телом к фарам авто. Нищие
цитировал Поп (Арт). Нищим
раздавали водку и красное...

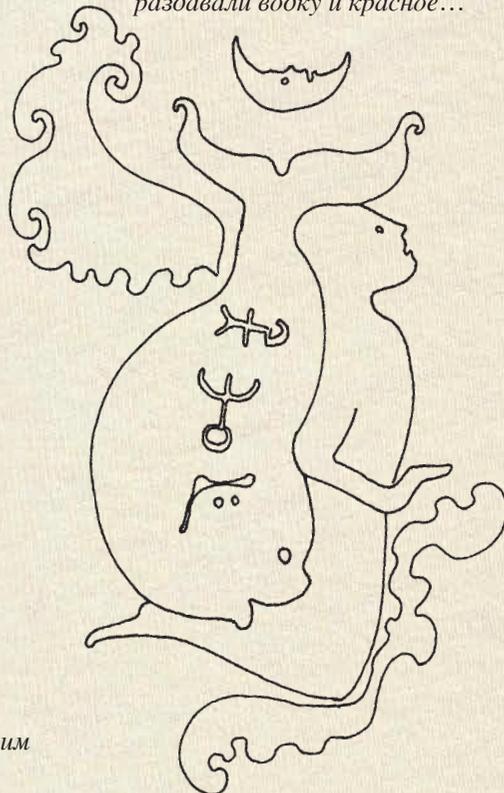

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Я увидел страшного звѣря, и сердце у меня
вздригнуло от страха.
Вздунул пузырь, лопнул и стало ничего.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Поп говорил: «Ты была разной,
но падая, сохрани-
ла грациозность, томную
буржуазность».
Но «Падающего подтолкни» –
твердил приемник с любой волны.
Ты сняла ремень безопасности.

Ты в могиле как в пасти.
Скелеты проходят кастинг.
А ты – и в смерти туристка,
в астрале с красными астрами
на гроб зубасто рассыпанными.

Пауза Заратустры.
Фабула Фауста.
О чем молчали уста –
это Tabula Rasa.

Ты рассыпала бусы.
Вишен гнилое мясо.
Вывырнула судьбу свою.
Это Tabula Rasa.

Это не муть инъекции,
Не оспа реинкарнации,
Не конец, не инерция,
Не карма, не кульминация.

Это роман отсутствия.
Кафка со стертым текстом.
Это fuck off Процессу,
fuck off фактом. Предел
бесчувствия.

Инфернально-безцифренный
(полное обнуление)
Люцифер инфицирован
вирусом разложения.

Вирусом виснет в WINDOWS,
Сидом Вишесом в LSD,
Кокаином в Фасбиндере,
Вещью в Иной Себе.

На сайте, где рекламируюсь
я, умирая, вирусы.
Верю интерактивности.
Креативно зависну я.

В чатах Ничто болтается.
Ничто владеет пространством.
Хакер Хаоса балуется
вирусом Tabula Rasa.

Раздвинуты грубым блядством
Рыхлые губы джаза.
Губы твои предательские –
Тоже Tabula Rasa.

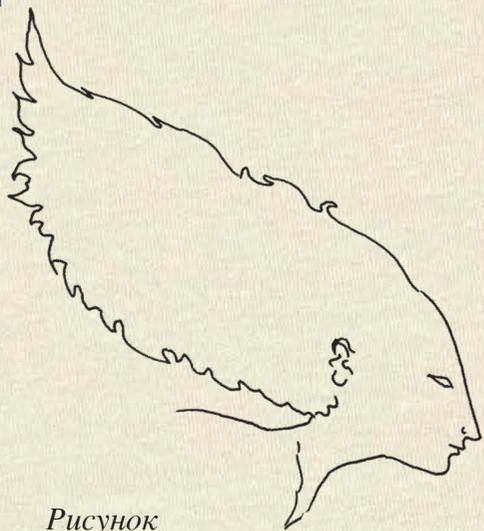

Рисунок
Кристины Зейтунян-Белоус

Юлия Андреева

Санкт-Петербург

●
Ты сегодня со мной
Обо мне, не таясь, говори.
Разбери как запутку,
Найди, что играет внутри.
Это яблочный спас.
Не про нас розовеет закат.
По колено в загадках,
Иди на закат, наугад.
Не про нас философское солнце
И станция Рай.
Чет и нечет,
Что светит смотри,
Выбирай, запятнай.
Эти пятна меня выделяют
Гепардом среди львиц.
Посмотри на синиц
А потом сцапай птицу с ресниц.
Синий пух, синий вскрик
Я поймала удачу взагрыз.
Расскажи про существ
Не имеющих четких границ.
Пропори мою душу до дна
Неразумным клинком.
Будет пир возле дыр,
Но оставь что-нибудь на потом.
Будем век вековать,
Куковать карнавальным шутом.
А в заначке подначка
Константой как старый канон.
Баюном я в загадке
Найду непреложную ось.
Не сбылось, хоть и снилось.
Хоть мнилось,
Но смялось,
Зажглось.
Западает на запад.
Предсказана солнцу хана.
Баюном или Бальдром
Пою до утра, до добра...

Стрекозы тропы неба

Алексей Торхов

ДООС – торозавр
Николаев, Украина

Я иду за проводником. Переполняют эмоции. Захватывает дух. Я рстворяюсь в большем. Неошутимый, на грани догадки, шелест крыл. Незримый, сродни иголочкам подкожного восторга, распадающийся на мнящиеся мурашки взгляд. Тень поверх проблеска – метнувшийся сгусток неосвещённого. И, в последнюю очередь, запоздало – незапомнившаяся траектория движения – бесцветное внутри прозрачного. В нарушение персональных законов восприятия, всего на миг, проступают они – стрекозы тропы вглубь небесных бездн...

Они просторны и витиеваты. Пригодны для встречного движения. По ним гуляет Поэзия. Они укрыты от взгляда «снизу вверх». И правильно, что – невидимы! Вам бы знать, где именно; вам бы ведать, как именно – все небеса истоптали бы!..

Я пою не тех стрекоз, что искомы и насекомы, что надземны и поднебесны. Я пою – небесных. Вывернутых наизнанку. Состоящих из воздуха, но живущих плотью – во ПЛОТЬившихся. Незримые стрекозы поэзии возносят и увлекают некоторых из нас с собою, как гуси мальчика Нильса. Только сделавшись на время сообщающимися сосудами, слившись с каждым воссозданным Словом и обретя его невесомость, можно ступить на стрекозы тропы. Они всегда начинаются в центре сферы. Но, главное потрясение и неизбывная сложность восприятия в том, что каждая стрекоза летит сразу во все стороны! Одновременно раздвигая границы сферы и себя. Становясь средоточием и впуская в себя остальных. В том числе и вас, только что наблюдавших её, как крохотный объект...

Изнанка стрекозы – тень креста, перемещающаяся по небу, со скоростью оживания его прибытия. Но только что-то прибудет и прозвучит – мгновенно окажется: всё было на местах неизбывно. Воссоединение всех и вся во Всё – суть Поэзии как целостности мира.

«Тропы» – слова и обороты в переносном или образном смысле. К их числу относятся и метафоры. Средоточие их – метаметафора или поэтический космос. Стрекозы «тропы» – «face-точная» поэтика стрекоз – метод познания неба, начинающегося на кончиках ресниц.

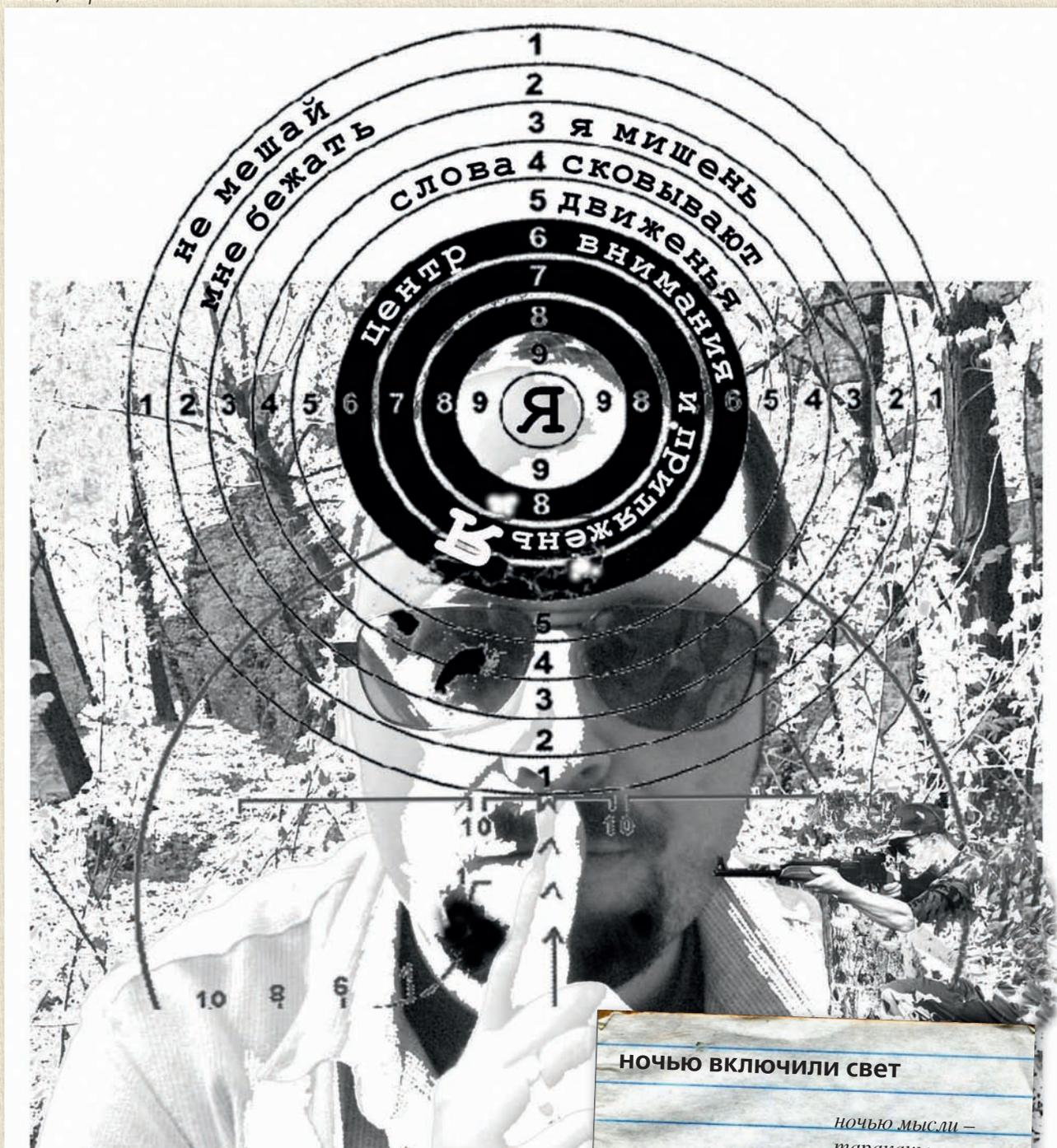
Для имеющих фасеточный слух, шелест крыльев небесных стрекоз распадается на фасетки музыки сфер – мелодии. Имеющим фасеточное зрение дана возможность увидеть и опознать «себе подобных». Не по форме – по сути. И сложить из них гигантскую мозаику – СЕБЯ...

Я смотрю на проводника и вдруг осознаю – всё, что вы слышали от меня в течение своей жизни, я говорил о поэзии. Даже если это звучало из других уст. Говорившие были мной до моего рождения. Они сбылись и прозвучали, как делал я, предваряя их... И раз за разом проступала в воздухе схема стрекозых троп. Как всем «понаехавшим» – план-схема на оконном стекле вагона московского метро...

...«Будь осторожен! Настоящая музыка стиха часто не ласкает, а ранит слух. Такая «ранимость» – важнейший признак настоящей поэзии. – говорит проводник Стихозавр и поднимается с облачного покрова. – Привал окончен! Вперёд и вверх по стрекозым тропам неба». Он отечески смотрит на меня, и я читаю в его глазах: «Бойся данайцев, коней приводящих! Бойся графоманов, Слово заземляющих! Бойся предателей, знающих стрекозы тропы небес! Да не проведёт никакая гнида врагов в тыл трёмстам ангелам фермопильского пролёта!»... ♦♦

Александр Моцар

Киев, Украина

– «клу» – сказала Глуу
и стала дорогой на север –
перьями птицы летящей на север
– «флу» – сказала – «флау» – ответила –
перебивая друг друга птицы кричат
по дороге домой
– «хрых...зм» – чихнуло ружье –
перья посыпались с неба...

и по прозрачному как ветер
стекает лебедь
каплей молока

2007

НОЧЬЮ ВКЛЮЧИЛИ СВЕТ

ночью мысли –
тараканы.
мозга ужас.
сердце – свет.

1. ночью включили свет
всё пришло в движение
2. мысли проснувшегося мечутся как
тараканы разбегаются прячутся
3. тараканы разбегаются прячутся
в грязные щели
4. мозга человеческого нехватит
чтобы вместить
5. ужас мыши трепещущей будто
6. сердце оцепенело
7. свет заслонив рукой

2004

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

Про ЭТО ВОТ!!

Есть поэты, а есть проЭТЫ. Поэт вылезает из материала поэтических строк. Тьма тьмущая таких поэтов. Убиться веником, как их много.

Как микробы кишат они, создавая стихи из сора, из скипидара, из погоды, из народа. От них остается много материала, он всегда безличен, всегда виден, всегда безразличен к поэту, как чудное мгновенье.

Вспоминают гении
Чудные мгновения.
Да чудное мгновение
Не припомнит гения.

Скучно до зевоты. Вот гипс. Вот мраморная муха. Вот дрянная погода. Вот азбука Толстого, скучнее, чем азбука Морзе, скучнее, чем смерть Ивана Ильича.

Пишет гений сгоряча
Смерть Ивана Ильича.
Говорит: хочу, хочу
Смерть Ивану Ильичу.

Но проЭТЫ делают стихи из ЭТОго и им плевать на материал. Они вламываются в ЭТО. Они «впадают в падасть».

Вокруг таких поэтов всегда пустое место. Вокруг них магический круг.

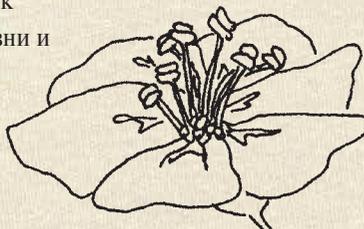
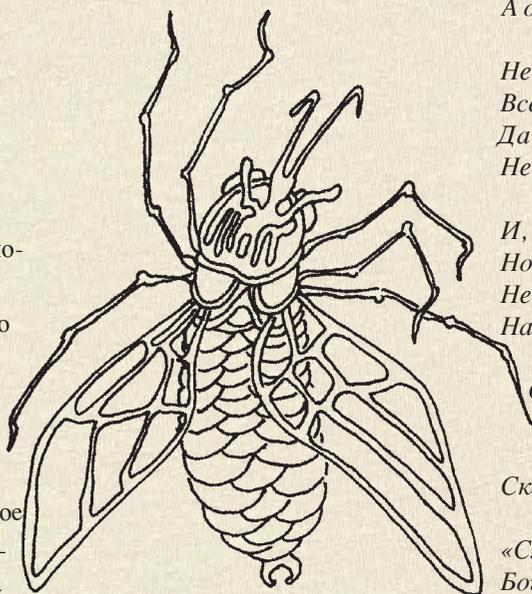
Почувствовав ЭТО, люди вокруг них начинают совершать несвойственные им поступки.

Они теряют ВСЕ, но обретают ЭТО.

Остаются материальные свидетельства ЭТОго. ЭТО, как выгаращенное лицо Лили Брик на обложке поэмы Маяковского «Про ЭТО».

Чем нелепей, тем вернее свидетельства ЭТОго, как босые ноги Толстого, напрасно ищущего среди жизни и смерти ЭТО.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. ДООС, на мой взгляд, тоже свидетельства ЭТОго. ♦♦

ПОЭТ В ЕГИПТЕ

ПроЭТУ Андрею Вознесенскому

*Остался недолюбленным шиповник,
Ушла одна душа обетованная.
И бесполезна трубка телефонная –
Стоит в пустыне будка телефонная.*

*С пустыней я дело свое беспамятство,
Небытием напоенное равенство –
Миссионерство тихо как отчаяние,
Не отдохну у твоего отчаяния.*

*Нет у песка ни имени, ни отчества, –
От рая смерти отходить не хочется.
Для чувств в пустыне саркофаг отчаяния,
Не отдохну у своего отчаяния...*

*Не в горе брежу, не любовь капризная,
Не искаженное воображение:
Ньютоновым здесь манит притяжением
Вся жизнь твоя, душа миссионерская...*

*Мозг у жрецов пустыня напрочь выела –
Все ждут от толкователей спасения.
Все фараоны, змеи – все померло:
Египет ожидает воскресения.*

*Все книги здесь числом «хуа» наполнены,
Не хлеб, а саркофаги неподъемные.
Лишь считанные судьбы тут исполнены,
А остальные все песком «хуа» наполнены...*

*Не отдохну у своего беспамятства –
Все «гранд пасьон» как тучи неприкаянные...
Да, половина, знаю, восполнима.
Невыполнима только пуповина.*

*И, как Пиаф, я не жалею жалости,
Но прикасаюсь я к твоей усталости:
Не к байроновской даже здесь везучести –
На лодке памяти чужой звенят ключины:*

*Остался недолюбленным шиповник,
Последних чувств невольник и виновник,
Но расскажите им о славленном имени.
Скажите мне, что Имя здесь не вымерло:*

*«Смерть ничего не изменит, ничего не изменит.
Бог ничего не меняет, ничего не меняет».
Эта ненювая весть, не новая весть, к сожаленью,
Воспринимается как откровенье, как откровенье».*

Рисунок Кристины
Зейтунян-Белосу

Александра Заболотская

Казань

Моя бабушка Сусанна Сергеевна Заболотская, урожденная Прянишникова, с самого рождения воспитывалась в семье своего дяди – художника Иллариона Михайловича Прянишникова. Он в то время работал преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Его семья жила в Хамовниках неподалеку от Льва Николаевича Толстого, с которым они были близко знакомы. Вот что рассказывала бабушка:

«Граф Толстой очень просто одевался, словно мужик какой. Однажды пришел к нам, а наша новая горничная не пускает его в дом: «Иди отсюда, дядька, нечего тут!» Но Толстой нисколько не рассердился на нее. Смеется и жалуется дяде Лариону: «Вот не хочет она пускать меня к вам». А один раз я читала в гостиной на диване, да и заснула. Сквозь сон слышу, что в комнату вошли дядя и Лев Николаевич. Мне очень неловко стало, и я притворилась, что крепко сплю. Думала, они пройдут к дяде в кабинет, не обратив на меня внимания. Но Лев Николаевич остановился около дивана и говорит дяде: «Зря вы считаете Сусанну некрасивой, она еще красавицей вырастет». Лев Николаевич любил участвовать в разговорах художников, которые часто собирались у нас в доме. Не только художники приходили, и другие люди тоже, но все споры были обычно об искусстве».

ЖУРАВЛЬ И АИСТ

Мужик расставил на журавлей сети
за то, что они сбивали у него посев.
В сети попались журавли,
а с журавлями один аист.
Аист и говорит мужику:
– Ты меня отпусти: я не журавль,
а аист; мы самые почётные птицы;
я у твоего отца на доме живу.
И по перу видно, что я не журавль.
Мужик говорит:
– С журавлями поймал, с ними и
зарезу.

Лев Толстой
из «Азбуки»

Ирина Бессарабова

Мои любимые птицы

Мне бы хотелось любоваться этими прекрасными птицами. Кто-то в Литве называет их черными аистами, российские орнитологи утверждают, что это бакланы. Как бы то ни было, они поселились здесь, на Куршской косе, в красивейшем месте на земле, лет пятьдесят назад. Никто не помнит, откуда прилетели эти строгие, благородные и стильные птицы. Они свили гнезда на соснах, липах, дубах. Вывели птенцов. Красивое раскатистое звучание их голосов казалось чем-то сродни карканью, но было намного значительнее. Школьники приезжали к парку с этими чудесными пернатыми на экскурсии. А весной... ни одно дерево и облюбованных этими птицами не проснулось. В черных ветвях, освободившихся из-под снега, так и не потекла живительная влага. Не набухали, не трескались и не раскрывались мертвые почки. Ни одна хвоинка не украсил сосны, доверчиво позволившие свить на себе гнезда. Деревья умерли. Как вам сказать? Если бы образованные орнитологи не только окольцовывали птиц, но и надевали на них подгузники и вовремя их меняли! Лес остался бы жить! Может быть, крик аиста, которого собирался полоснуть ножом толстовский мужик, и стал причиной такой странной физиологии благообразных пернатых? Нигде в мире птичий помёт не обладает такой ядовитой силой. Нигде он также не оставляет столь совершенной графики и образцов уникальной архитектуры. Я люблю этих птиц. ☛

Фотографии
Ирины Бессарабовой

ВЛАСТЬ

(запись в дневнике)

В эти дымные дни в Москве
власть обещает спасительный ветер.
Евангелие на субботу говорит:
«Ваше время и власть тьмы» (Лк., 22; 53)
«Власть тьмы» привозил Чхеидзе
из БДТ в Малый театр: многие плакали. И я.
Тьма власти режет глаза до слез.

Валерия Нарбикова

ДООС

... и путешествие

Роман. Начало в № 23—24

— Как там? — спросила Киса, — как? Ясно, она спрашивала о Москве. Об этом пространстве не для людей, об этом числе не для единицы, о том месте, где тебя нет, пока ты где-то в Голландии, в Гренландии, и в новой Зеландии, о месте, которое не похоже на все остальные, как холодный рай.

«Что вы за люди такие, русские», — сказал во время застолья один иностранный писатель, родившийся то ли в Цюрихе, то ли в Вене, то ли в поезде, шедшем из Цюриха в Вену. Он не помнит, и помнить не хочет ни этот Цюрих, ни эту Вену, пусть там будет хоть землетрясение, наводнение, гунны, он европеец, и душа у него в Европе.

А где у русского душа? в тёмном подъезде, где лампочка перегорела, в замызганном лесочке по колено в грязи, в храме набитом старухами в платках, в яблочке — «это тебе гостинец от бабушки», в этих поцелуях под кроватью и на кровати без белья, бедное место, в котором живёт душа, бедная душа, отдававшаяся с потрохами этому месту, есть ли у души потроха? выпотрошенная душа.

— Нормально, — сказал Серёжа. Он имел в виду дом и мужа Кисы — Александра Сергеевича.

— Это тебе, — и он достал из внутреннего кармана письмо для Кисы, — от него.

Александр Сергеевич. Вот единственное имя, достойное слова муж. И если муж — слово, то это слово зовут по имени Александр Сергеевич. Потому что ради слова «жена» погибло слово «муж». Есть первый муж, второй муж, первый стражник, второй стражник, законный муж, официальный, тайный муж, вечный муж, муж сестры, брошенный муж, муж во время чумы, муж во время войны. Но пусть имя Александр Сергеевич звучит всё равно. Пусть останется имя иных во имя утраченного слова.

Они разговаривали. Они вспоминали. Они смеялись.

Есть ли критерий памяти? Память самая непостоянная величина. Прерывная во времени. Нет, именно времени у памяти и нет. Ты помнишь совсем не то, что было последовательно. Только выборочно. И совсем не то, что надо помнить, не учитывая важности событий. Скорее всего, ты помнишь своё настроение, и воспоминание — это память настроения.

Было пять часов по немецкому времени, а по-русскому было бы уже семь. Но пять часов — было настоящее время, а семь — ненастоящее, а если бы оказаться сейчас в Москве — то наоборот, семь — было бы настоящее, а пять — ненастоящее.

Хороший город — маленький, всё недалеко; вокзал, почта, ресторан, речка, мост. Выбрали китайский ресторанчик. Люди между собой договорились, что качественные блюда и напитки имеют устойчивый вкус: виски — свой, смирновская водка — свой, джин — свой, коньяк — свой. Этот ресторанчик обслуживали люди, имеющие устойчивый вкус ресторана. Этот ресторан мог быть где угодно, место не имело значения — Париж или Мюнхен. Всё равно эта девушка с подносом будет самой незаметной точкой. Она «бес»: бесполо, бестелесна, бесчувственна, бескровна, она также принадлежит ресторану, как вкус водки принадлежит водке — она бесподобна.

Плавали золотые рыбки. В третий раз закинул он невод, пришёл невод с золотою рыбкой: «чего изволите?» — «почему ты не пишешь акварели? есть вода». Голубой фитилёк. Освещение. Свет. Дневной свет. Тот свет. Боимся подумать, но думаем о том свете. А знаешь, чего там нету? Ведь там нет смерти. Смерть есть только здесь — в жизни. Теперь десерт.

А теперь спать, хотеть спать — это именно хотеть. Можно хотеть выпить, но не пить, хотеть любить, но не любить. Можно даже сказать: «я хочу хотеть любить». Но нельзя сказать: «я хочу хотеть спать». Потому что человек вообще не хочет спать, кроме того состояния, когда он спать хочет. И тогда он не хочет ничего — только спать. Он все равно заснёт. Он не может не спать. Нет человека, который может не спать. Человек — существо, которое спит. И засыпая, Серёжа вспомнил своего попутчика в поезде. Он хотел рассказать о нём Кисе, какое у него необычное лицо, но забыл. Завтра расскажет. А теперь спать, спать. Золотые рыбки.

2.

Когда Киса вышла из дома, Серёжа ещё спал. Она вышла бесшумно. И немного прогулявшись, она остановилась у витрины маленького магазинчика. Магазин был закрыт. И внутри — темно. Она рассматривала ножики на витрине: маленькие, большие, кривые. Коробка с монетами. Замшевый футляр для книги, украшенный бледными камушками. А один камушек выпал.

Киса была в голубом коротком пальто, которое отражалось в темной витрине, как вертикально поставленный водоемчик. И когда она заметила, что камушек выпал, она заметила еще одно отражение в витрине. Это был кто-то

очень большой. Киса оглянулась и даже немного закинула голову назад, потому что человек, который стоял за ней был высокого роста и смотрел он не на витрину, а на нее. И глаза их встретились. То есть глаза Кисы встретились с одним глазом этого господина, потому что второй его глаз то ли не видел, то ли смотрел как бы мимо. Это был господин Ив, Он видел, как она подходила к витрине. Она его не видела. Его внимание привлекла эта совершенно западная женщина с совершенно восточным лицом. «Иностранка», – подумал он. «Иностранец», – подумала Киса. Сейчас спросит, как пройти на такую-то улицу. Может из-за её праздного вида, её часто спрашивали, где то-то и то-то, и она отвечала по-английски: «Я не понимаю». Он не спросил. Она не ответила. Оставаясь у витрины, он проводил её взглядом до перекрестка, пока она не свернула на другую улицу. Если бы он сейчас поторопился, он успел бы ее догнать. Но господин Ив пошёл совсем в другую сторону. А Киса, дойдя до перекрёстка, свернула налево, и пройдя немного вперёд, она оглянулась. Ей показалось, что этот высокий господин сейчас выйдет из-за угла дома.

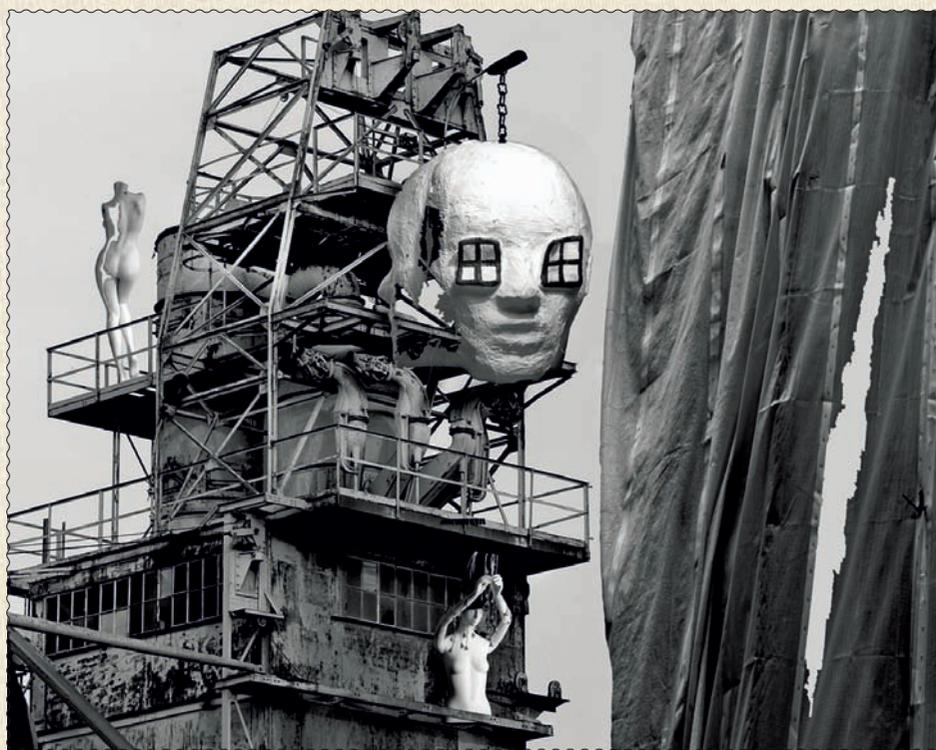
Но он не вышел.

Стало накрапывать что-то, как дождь. И запахло сыростью, как в лесу. Почему в лесу? Деревьев почти нет. Туфли – не зимняя обувь, даже здесь. «Чулки – не зимние брюки». И Киса улыбнулась, вспомнив, как она когда-то покупала чулки, когда по дороге в ресторан со своей немецкой подругой немного понимавшей по-русски они остановились у одного магазина, и Киса сказала – «Я хочу купить чулки». «Что такое чулки?» – не понимала подруга. И встав посреди улицы, Киса проделала такое движение: ухватив пальцами дымчатый в воздух, она натянула его на ногу. И подруга засмеялась: «поняла, поняла». Эта пантомима обозначала по-немецки «strumph». Переводится по-русски как брюки. «Ты хочешь один?» – и она двумя руками перехватила этот воздух у Кисы, натянув его до самого пояса как рейтузы, – «или два?», и она двумя руками сразу пристукнула себя по ногам, точно попав в то место ляжки, где кончаются чулки. «Я хочу два», – И Киса как бы взяв по чулку в каждую руку, одновременно натянула их одновременно на обе ноги, что натурально проделать совершенно невозможно. Холодно в туфлях и в «два» зимой. Горячий хлеб. А на улице он уже теплый. А дома он просто мягкий. Киса отдала Сереже хлеб. «Ты же замерзла» – сказал он. В туфлях зимой». – «Душ».

Квартирка, которую они снимали, была двухкомнатная, с небольшим ходом и довольно большой кухней. Но хозяйка,

сдававшая им эту квартиру, никак не могла вывезти свою дачную мебель. И там стоял парусиновый солнечный зонт, два складных кресла и несколько мешков с летними вещами, а также пыльный здоровый мешок и такая же пыльная резиновая лодка. Поэтому кухня была похожа на грузовик, который вот-вот должен отъехать за город. Хозяйка звонила, назначала время на следующей неделе, обещала точно забрать вещи, потом извинялась, и вещи – ни с места.

Так она бы могла дотянуть и до лета. А так квартирка была неплохая – с большой голубой ванной. Зато туалет находился под самой крышей. Поскольку это был последний, четвёртый этаж, и на этом этаже больше не было других квартир, нужно было из тамбура перед холлом подняться по такой скрипучей лесенке под самую крышу – и вот там был туалет. Туалетная комната с овальным окошком, из которого видны были крыши домов. И стоя над унитазом, доглядывая в окно, Серёжа писал на весь город сверху. Он

Фотокомпозиция Александра Лысенко

писал на него с самого неба: на улицы, автомобили, людей, пуделей. Почти фантастическое удовлетворение.

Киса предпочитала ночную вазу. Это была самая настоящая ваза с довольно широким горлышком. Серёжа завидовал сам себе. Он знал, что вот так пописать – как он – сверху на весь город она никогда не сможет. В этом было его превосходство. Это было ей не дано. Этим они отличались – брат и сестра. Но только этим. Она с детства была – киской, а он рыжим шалопаем, у него только в 18 лет пропали веснушки, по его словам, он ими наградила одну шлюху. Он потерял невинность и потерял веснушки – сразу. Он стал мужчиной и стал темнеть прямо на глазах.

В двадцать лет его волосы были уже не рыжие, а светло-каштановые. А к тридцати годам они стали ещё темнее. А когда год назад, он захотел отпустить бороду, из него полезла редкая чёрная щетина. Киса посоветовала сбрить. Он всегда был способным двоечником. Всегда к концу года он как-то ловко подтягивался с двоек и на одних тройках беззаботно переходил в следующий класс, на следующий курс, на следующую ступеньку. Было похоже, что он вот топчется с ланчой на ступеньке, мнётся на ней, а потом раз – и прыгнет на ступеньку выше.

Дверь в его комнату была всегда открыта, он не любил закрытых дверей. Были видны стулья и кресло, заваленные штанами, носовыми платками, грязными трусами, рубашками, а на полу стояли пустые бутылки из-под пива, банки из-под варенья, ботинки, сумки. Но был один угол в комнате, чистый, как снег на крыше. Там стоял его рабочий стол и чертёжная доска. Он чертил как бог. Нет, не как сам бог, бог не умеет. Но если бы богу было угодно начертить что-нибудь, он бы избрал его. Он бы начертил для него всё, что его душе угодно. Для этого у него были всевозможные «штучки», как их называла Киса. Но главное рука. Она ни разу не дрогнула. Даже с утра после литра водки – и такое случалось – он мог провести такую линию. И эта линия ложилась так, как мог бы лечь на горный снег волос, выпавший из бороды пророка. Во время работы он мог даже болтать, это ему не мешало. За работу ему платили немаленькие деньги, на которые они с Кисой помаленьку жили.

Серёжа не говорил по-немецки. В школе он довольно бойко стал его изучать, но его отпугнули неслитные приставки, из-за которых смысл был понятен только в конце предложения. Он не мог себе позволить так мыслить. И он подучил английский. Хороший язык, удобный в быту. Я хочу, я не хочу. Я хочу есть и пить по-английски. Хорошо, что русские в своё время не завоевали Америку. А ведь могли бы. Просто было не до Америки. Своей америки хватало вокруг: вся Сибирь, всё направо-и-налево, вверх-и-вниз. И Ермак, наш Колумб. Это хорошо. Как бы было обидно за русский язык. Как бы его истаскали, истрепали, исковеркали, говорили бы как узбеки; «твой мама, хороший девушка, бричку сяду, Москва поеду». И что французы так завидуют англичанам, что не их французский – международный, а был – пока не было Америки, весь Петербург на нём говорил, вся Москва – и все французы под Москвой. Хорошо, что не русский – международный, что русский – на большого любителя. Английский – для всех. А ведь и англичане не терпят, когда его коверкают. Не терпят, но терпеливо терпят. По-английски Серёжа мог опросить дорогу, поблагодарить официантку. Он мог даже по-английски при-

гласить девушку в кино. Этого было достаточно. Больше и не требовалось. И он Никого не любил. Ни одну женщину. Нет, Кису любил как сестру. Нет, один раз чуть было ни влюбился. В одну девушку. Ему было лет двадцать пять. Ей сколько же. Он с ней встречался месяца. И никак не мог понять, что ему так не нравится в ней. Собственно, он и продолжал встречаться, чтобы понять, что именно не нравится. Это было зимой. Во время любви она спросила, любит ли он её? Если женщина в постели спрашивает:

Фотокомпозиция Александра Лысенко

«Ты меня любишь?» – ничего не остаётся ответить «да». «Сделай для меня одну невероятную вещь». Это она сказала после любви, уже почти на рассвете. «Сейчас попросит денег или ребёнка», – подумал он. «Сделаешь?» Он сказал: «Да». Он уже почти спал. «Принеси мне в этой миске снегу», – попросила она. Он вышел на улицу. Он сгрёб со скамейки снег. Самый чистый. Она ела его и размазывала по лицу. И он понял. Она ему напоминала Кису. Сестру. Это было невыносимо. Потому что Кису он любил. Он не хотел любить её подобие. Больше он её не видел.

А ещё Серёжа заметил вот что: когда всё становится по фигуре, тогда всё и получается.

Лет в двадцать семь, он был тогда без денег, без дома, без женщины, в одних трусах и пальто. И попал он случайно в гости. Это был престижный дом в престижном районе, и человек был престижный, как будто нарочно выращивает таких престижных людей для престижной жизни. И этому человеку, хозяину дома, было плохо. Гости в тот день у него были случайные. И среди прочих – Серёжа тоже был случайным гостем. А утром, когда Серёжа проснулся на диванчике в сапогах и шапке, гостей уже не было, а был только хозяин. «Ты тут откуда?», – поинтересовался хозяин. – «Со вчерашнего дня». И они выпили с хозяином. Он много

пил, хозяин, потому что от него ушла жена. К другому. Ещё он плакал. Прямо как ребёнок. Он не стеснялся Серёжи. Не обращал на него никакого внимания. Он был поглощён своим горем. Он купался в слезах. «Не надо тебе больше пить», – посоветовал Серёжа. «Пить надо. Не надо допивать», – сказал хозяин. Он был прав. Всё равно напитков было столько, что допить их было невозможно. Можно было умереть, но не допить. «Она от меня ушла», – он это повторял. Больше всего его, видимо, потрясло не то, что она от него ушла, а то, что она ушла от него. Этого он не мог перенести. Расстались они совершенно друзьями, и совершенно трезвыми. А встретились только года через три. Тогда и пальто приличного у Серёжи не было, только трусы. И главное, ни какого настроения, чтобы чем-нибудь заняться. Хотя всю страну тогда охватило именно настроение: бегали деловые люди в этом деловом 88 году. И жизнь вся была на арене. Как цирк. Такая она была праздничная, жизнь, наглая, жадная, пустая, вся в мишуре, в огоньках, как будто шло какое-то всеобщее надувательство. И это надувательство было таким открытым, нарядным, шумным, таким сладким, что все люди липли к нему, к этому надувательству. И все жужжали и летали и подыхали, насосавшись, как осы что алкогольно-сиропного надувательства. И этот Серёжин друг, хозяин, был уже хозяином фирмы. А Серёжа опять никем. И Серёжа пришел к нему в кантору, и хозяин хотел ему помочь.

«Ты ведь учился?» – спросил он. «Учился». – «От нас чертежница ушла. Сделай вот это», – и он протянул Серёже металлическую болванку, такого технического божка с дырками в место глаз. «Сделаешь чертеж, попробуй», – сказал хозяин. – «Попробую», – сказал Серёжа. Он попробовал и сделал. Он даже не пребывал. Он просто раз и сделал, без всякого труда. И труд его был оценен.

Киса была младше Серёжи на два года. Не очень точно сказано. Ведь нет «младше» и «старше», есть «раньше» и «позже». Киса родилась на два года позже Серёжи. И когда ей было уже пятнадцать, а ему всего семнадцать, у нее был поклонник, женатый человек, а у него – никого. А в девятнадцать она вышла замуж и окончательно превратилась в старшую сестру. Он же в свои двадцать один – продолжал оставаться мальчишкой. А когда Киса через год развелась, то Серёжа так никого и не любил. А через два года Киса опять вышла замуж. И чем дольше она жила со своим вторым мужем, и чем дольше Серёжа так и не женился, тем Киса для него становилась почему-то младше. И теперь, когда ему было тридцать пять, он к ней опять относился как к младшей сестре. Не понятно почему. Киса вышла из душа. Она плескалась там целый час. Он успел приготовить яичницу. Она уже успела остыть. Киса проглотила её. Он даже не успел заметить, как у неё так быстро получилось. Она была голодной.

В Москве – зима.

В Москве – любовь.

В Москве – Москва, столица нашей родины.

«За что ты ее так не любишь и никогда ты её не любил Москву? Что она тебе сделала?» – «Тесный город, грязный и некрасивый и большой как сарай...»

Вся комната янтарным блеском озарена это прямо на крышу село солнце, не русское, не немецкое, не иностранное, ничьё, самое любимое и родное, предмет обожания художников, поэтов и прочих насекомых, зверюшек и птиц. «Я же не съем её, твою Москву». Нет костылей, нет гробов, сразу надо помирать без ног в общей могиле.

Это было в 1998 году в октябре месяце.

Это было четвёртого октября,

а шестого Серёжа должен был улететь во Франкфурт.

И он беспокоился, что, может он не сможет вылететь, если в Москве не прекратят стрелять.

Он сидел и смотрел телевизор, а там показывали

Мост, и на мосту стоящих людей,

И пушки стреляли по дому напротив,

И этот дом, по которому стреляли пушки, был некрасивым.

Он, конечно, не был произведением искусства,

И в этом смысле его было не жалко,

Он просто был домом, в котором сидели люди.

И эти люди, они тоже не были произведением искусства.

Среди них не было ни одной Венеры.

Среди них не было художников и поэтов.

Среди них не было ни одной балерины,

Которая бы танцевала на сцене.

Эти люди, которые сидели в доме, были завистливые и смешные.

В прошлом они были троечниками, а может,

Кто-то из них был спортсменом, а может,

Кто-то из них был на войне, а может,

Кто-то был крестьянином и хулиганом, а может,

Кто-то был первоклассным рабочим, а может,

Кто-то больше всего любил авокадо, а может,

Кто-то любил деньги и женщин, а может,

Кто-то любил ходить в кино.

И это ничего не значит,

Что среди них не было ни одной Венеры,

Это ничего не значит,

Что по ним надо было палить, как по мишеням.

И людям, стоявшим на мосту, не надо

Выло орать, как на футбольном матче:

«еще разок, давай, давай же».

Это было зрелище, и если Сведенборг говорит правду «О небе, о мире духов и об аде», то все политики 1993 года: парламентарии, премьеры и даже губернаторы, фрейлины, сторожа кабинетов, и даже

министр иностранных дел, и даже голубой секретарь и холодный партийный работник – когда все они окажутся в мире духов, там есть такие щели, какие бывают в скалах, и только через них, протиснувшись друг за дружкой, можно попасть в ад.

Но также в этом же мире духов есть такие скважины или воронки, через которые души попадают в рай.

И может в мире духов, из-за того дня, из-за четвёртого октября 1993 года,

будет очень тесно в тёмных щелях, где будут давиться бедные души.

Серёжа сказал, что Александр Сергеевич приедет в Германию через две недели, так он хочет, так он может, раньше он не может. Остаётся только писать стихи.

В общем-то нет смысла осваивать Луну. За границей, как на луне. Там хорошо дышится в противогазе, такой чистый кислород, так пустынно... А там далеко совсем под другим небом, такая малюсенькая-малюсенькая земля, совсем под другим снегом. И какой же там ветер! он умеет выть. И с листьями там всё в порядке. И с цветами. Цветов полно. И с грибами. Они прямо под ногами.

А с людьми не всё в порядке. Они прямо под ногами. Вот уж кого-кого, а людей Серёжа не вспоминал. Если уж он вспоминал, так это целиком русский народ. Народ целиком – душевный тихий болтливый

красивый добрый грязный злой умный жадный сильный глуповатый верный хитрый, здоровый простой бедный

богатый-богатый-богатый-богатый-богатый-богатый-богатый-богатый

От кофемолки звенит в ушах. Какой вкусный у кофе запах. Ни с чем не сравнимый. Единственный. Так может пахнуть только кофе. А талый снег может пахнуть любовью, только что вылупившимися листьями, рекой.

А кофе – только кофе. Несколько лет назад Киса научила Серёжу варить кофе, и теперь он варил лучше её. Почему, сна не могла понять, но она не могла понять.

– В поезде напротив меня сидел господин, как бы тебе его обрисовать, я тебе еще вчера хотел про него рассказать, какой-то необъятный.

– Пупсик, что ли? – спросила Киса. Между собой они так распределили для удобства – есть пупсики и люди.

Пупсики бывают резиновые, пластмассовые, тряпочные, набитые и пустые, да каких только пупсиков ни бывает.

– Нет, человек, – сказал Серёжа.

– Челове-е-ек, – протянула Киса, – интересно.

Опять же выходило, что когда они вспоминали всех, кого встречали, то пупсиков оказывалось значительно больше. Люди, конечно, тоже попадались. Злые, красивые, умные, было даже и так, полное дерьмо, но человек?

– Понимаешь, – сказал Серёжа, – он такой большой, загорелый, и какой-то ли одноглазый, то ли у него этот глаз как-то не так смотрит.

– У тебя кофе бежит, – сказала Киса и вышла.

Она пошла к себе в комнату.

– Куда ты, – окликал Серёжа. – А кофе?

– Потом, – сказала она, – я посплю.

И она закрыла свою дверь. При очень плотных шторах даже в солнечную погоду в комнате было совсем темно. И в этой темноте Киса представила себе господина Ив.

Конечно, она не знала, что его так зовут. Но, по правде сказать, таких людей она раньше не видела. Он ей никого не напоминал. Конечно, Серёжа рассказал именно о нем? Это ясно. Она мгновенно увидела его отражение в витрине и повернулась к нему. Он посмотрел ей в лицо.

Прошла неделя. Она прошла в трудах. Серёжа чертил. Киса вязала, как Пенелопа – свяжет и распустит. Похоже, ей нравился процесс. А Серёже нравился свитер, которого так и не было, потому что как только он был почти готов, Киса говорила: «не то». И от свитера оставались клубки. Она играла с ними, как кошка.

Оно было почти морозным, это утро. Почти зимним. Почти московские. Почти. Не совсем. Полдень.

И они шли вдоль реки, по такой узенькой набережной. И народу не было. Почти. Она его сразу узнала. Ещё издали. Она держала Серёжу под руку. А когда он почти приблизился к ним, Киса остановилась и чуть слышно сказала Серёже: «познакомь». Почему-то господин Ив остановился, поравнявшись с ними; он узнал своего попутчика в поезде и её. Они стояли и смотрели друг на друга. Все втроём. Серёжа протянул ему руку и сказал по-русски: «Здравствуйте». Господин Ив пожал Серёже руку. «Здравствуйте», – сказал он по-немецки. «Это моя сестра», – сказал Серёжа по-русски.

Господин Ив не понял и улыбнулся. Улыбнулся он очень большим своим ртом. И одним глазом. И бровями, которые у него подскочили вверх. «Это ваша жена?» – спросил господин Ив по-немецки. Серёжа понял слово «жена», но начисто забыл слово «сестра». «Нет», – сказал Серёжа по-немецки. И Киса сказала по-английски: «Это мой брат». Господин Ив понял, и все втроём они засмеялись, оттого что с таким трудом объяснились. У него был глухой смех, у господина Ив. Он искал её уже целую неделю. Он не мог представить, что в таком маленьком городе больше не увидит её. Он каждый день проходил по той улице, где увидел её впервые у витрины.

– Меня зовут Ксения, – сказала Киса по-английски и протянула ему руку.

– Ив, – сказал господин Ив и пожал её руку.

А Серёжа, сказал: «Серёжа». ♦

Продолжение в следующем номере

Эйлин Ни Куллинан

Дублин, Ирландия

Лошади смысла

*Пусть их копыта выстукивают следующую
Страницу рассказа.*

*Выпустите их из темного стойла,
Пусть они трясут гривами,
Закатывают свои темные глаза, бегут, танцуют.*

*Пустите их на свободу, и следуйте за мерным стуком копыт
По мощеному булыжником двору,
Когда они огибают угол дома и резвым галопом
Уносятся в широкое поле.*

*Заметьте место, где они неистовствуют,
Следите за тем, остановятся ли они вдруг
У черты где-то там, на западе,
Где поезда пробегают на рассвете.*

*Если они глазят на белое пятно на карте,
Будто земля там протерлась до кости,
(Свет будет распространяться в виде утолщающихся
Маленьких белых цветов),
Значит ли это, что здесь конец их полета?
Ветер расчесывает длинные хвосты лошадей,
Их стойло пусто.*

*Перевел лошадей с английской дороги
на русскую сторону Анатолий Кудрявицкий*

Леся Тышковская

*ДООС – стрекозабчка
Париж, Франция*

Из радости мотылька
не долетевшего к вечному,
из взгляда-не-навсегда
из недо-
из не –
Поэзия

В своей стране
я подбирала слова, чтобы быть признанной.
В чужой стране
я искала слова, чтобы быть понятой.
Рядом с тобой
слова находили меня необщительной.

Ты сбылся.
Остается
подумать о легенде

Моя Вселенная опустела,
когда Мужчина стал моей Вселенной.

Юрий Метелкин

на 1 июня

... и ахнули, и воздух хватанув,
раскинув руки в горестной печали,
сличали боль потерь,
еще одну...
...одну её, вчера не ощущали,
и всполох – день, опальный с этих пор,
соседних дат сусальная седмица,
соседних дач неспешный разговор,
в стихах и письмах листьев повторится...

греческие сны

...пусть к ночи тени складывают груз
прозрачных дней, пусть, небо обесцветив,
скрывают тех кого я утром встретил
и кто к ночи от сих отрекся уз...
в них пустота выманивает даль,
подземный ад для них родное небо,
и как слепец кладет румянец слепо
своим глазам не нанеся вреда,
пускай, просыплет золотым песком
на лацкан, пыль из пудреницы века,
слепой любовью мраморного грека
он любит солнце северным виском...

... я очнулся в ночнушке ниц,
в непроталенном млечном свете,
перевёрнутых линз и лиц,
будто в воду глядящий ветер,
будто пуговицы пальто, обрываю,
кладя в карманы этот страх
потерять потом, связь с живым,
и болеть туманом,
накликать на себя дожди,
древнегреческих прорицаний,
и смотреть как идут вожди,
в строй рождений и угасаний...

*Рисунок Аллы Баклановой
из серии «Мир птиц»*

Виктор Клыков

ДООС – австролавр
Вена, Австрия

Лев Николаевич Толстой для меня близкий человек. Его лицо я видел с семи лет в доме моего деда и думал, что это и есть мой дед. Оказалось, что это был и мой дед, и Лев Толстой, портреты которого рисовали с моего деда. Один из них ему подарил художник. Толстой с детства знал немецкий, французский, потом выучил английский. Стал сначала европейцем, а потом и космополитом. Этот термин мне хорошо знаком, Из-за него меня в 80-х годах чуть не выгнали из Вены в Россию. А Толстого до сих пор иногда на ночь читаю. Думаю, что новости из немецкоговорящей Европы его бы заинтересовали. Поэтому посвящаю мой текст великому философу и писателю Льву Николаевичу Толстому. До приезда в Австрию я мало что знал о немецких диалектах и был поражён, что многие австрийцы между собой говорят на непонятном мне немецком языке. Оказывается, на этом диалекте, возникшем задолго до официального немецкого языка, в настоящее время говорят, пишут и читают около 20 млн. человек в Австрии, Германии, Венгрии, Румынии, Словении и Чехии. Приятной неожиданностью для меня стала публикация в июле 2010 г. в Австрии в «Stelzhammerbund» – журнале друзей устного диалекта немецкого языка Верхней Австрии (öo. Mundartsprache) – редакционной статьи «Русская поэзия в разговорном языке Верхней Австрии» и перевода моего стихотворения на этот язык:

«Некоторые авторы нашего объединения посвящают своё творчество необычным темам. Примером этого является опыт сопоставления поэзии на нашем разговорном языке с современной славянской поэзией. Как показывает приводимый ниже пример, свободная русская лирика ни построением, ни своей сутью не отличается существенно от нашей. Однако долгое время русские поэты этого направления не были известны, так как в советский период государственного контроля над искусством свободная нерифмованная поэзия допускалась очень ограниченно и мало переводилась. Только с середины 90-х годов поэты этого направления появились на поверхности. Один из них Виктор Клыков. Автор долгие годы работал в Организации Объединённых Наций в Вене и 1998-1999 годы в Алжире. Там он написал стихотворение «Женщина-Мираж», которое перевёл на öo. Mundartsprache австрийский поэт Walter Osterkorn».

FEMME-MIRAGE

Elle est comme le vent,
elle se déplace.
Sahara bouge, Sahara danse.

Elle est légère
elle a de l'audace.
Sahara bouge, Sahara danse.

Elle est petite,
elle est ardente.
Sahara bouge, Sahara danse.

Elle s'approche de moi
elle me traverse.—
Sahara bouge...
Et elle? – s'en va.

Оригинал стихотворения
Виктора Клыкова на французском,
1998, Алжир

ЖЕНЩИНА-МИРАЖ

Она — как бриз
и как волна.
Сахара движется слегка.

Она легка,
Она смела.
Сахара движется слегка.

Она мала,
но горяча.
Сахара движется слегка.

Она подходит ближе, да!
Она проходит сквозь меня.
Сахара движется всегда...

Она? Уходит, как волна.

Авторский перевод
на русский язык
1999, Вена

FRAU - MIRAGE

Sie – is wie a Windhauch
und wie a Wään.
D' Sahara bewegt sih so leicht.

Sie is a Luftikus,
sie traut sih was.
D' Sahara bewegt sih so leicht.

Sie is kloa,
doh brennhoaf.
D' Sahara bewegt sih so leicht.

Sie kummt auf mih zua, ja!
Sie tanzt durch mih durch.
D' Sahara riht sih Tag und Nacht...

Und sie? Ah sie is dahi, wie a Wään.

Перевод на öo. Mundartsprache,
2010

FRAU-MIRAGE DER WÜSTE

Sie – ist wie die Brise,
Sie ist wie die Welle.
Sahara schwankt, Sahara tanzt.

Sie ist leicht,
Sie ist kühn,
Sahara schwankt, Sahara tanzt.

Sie ist klein,
Doch heiß ihr Blut.
Sahara schwankt, Sahara tanzt.

Sie kommt näher, ja!
Geht durch mich hindurch,
Sahara rührt sich immerfort.

Und sie? – Auch sie geht fort!

Авторский перевод на
официальный немецкий язык,
2003

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Бунин. Портрет с отсутствием объекта

«Писатели... существа какого-то
совсем особого рода».
Бунин. «Толстой»

В зеркале за его спиной плывет
вчерашний день
красные флаги и казачьи штандарты
его отражение –
полюй силуэт

Кого-то втискивают
в оставленное им пространство
втискиваемый не помещается
кряхтит
потом устраивается как-то –

и трещит
каркас параллелей и меридианов

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон, Великобритания

Ишь, нулевое, не настоящее
время настало.
Словно кривое, криво висящее,
зеркало стало.

Словно смеючимся, вогнутым оком
– в этом и сила –
время устало и ненароком
нас отразило.

Значит, для времени кое-что значили –
в общем и целом –
те, кто свободно хохмили, судачили,
как под прищелом.

Те, кто не ныл и не клячил заранее
что-нибудь кроме
этой свободы, любви и заклания –
на смеходроме.

Рыба плыла к берегу, чтобы ее поймали.
Лань замерла, наверное, хищника поджидая.
Художник же слово скверное высверлил на эмали.
Дама смотрелась в зеркало, словно бы молодая.

Поезд, скрипя суставами, в горящий тоннель втянулся.
Художник жадно любит шквалом огня и металла.
Орел, упав на суслика, разбился и промахнулся.
Всякое же исчадие, в сущности – процветало.

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС
Париж, Франция

«А ведь самые важные, интересные
мысли именно те, которые мы ни за
что не скажем друг другу».
Лев Толстой

Я мыслю, — значит, нет меня.
Лишь мысли голосок храня
в руинах мозга осторожно,
бездействует моя душа,
и быть мне просто невозможно.

развивающий
скорость
в себе
неподвижный стрелец
неподвижной стрелы
созерца
изъятый из мира
полет
устремился
не в цель
а в отсутствие цели

как хрупок день
нас проводивший в осень
он треснул
под напором
перелетных птиц

Санджар Янышев

Ты всегда меня больше вчера
будешь знать, чем сегодня, а завтра
просыпаться — такая игра,
что без веры нельзя. И азарта.

Ибо все остальное — куда
как верней лунных ядрышек почта,
а в сравненьи со мною вода —
чем не почва!

Мы — изгой среди крошек и крыс,
а любовь не слепая комета,
но — цветок, вырезаемый из
времени маникюрным инструментом.

Ничего, с чем при жизни я свык-
ся, следовательно, вот сверток
моей памяти: кость или жмых...
(«Выбирай!»)

Но в своих измерениях четвертых
ты не встретишь меня ни в живых,
ни — тем более — мертвых.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Поэт и муза.

Фотокомпозиция Александра Лысенко

Александр Лысенко

Вена, Австрия

Фотограф

Неудержимый времени поток
Сдувает юность с лиц
И вымывает скалы,
Выветривая пьедесталы,
Героев повергает ниц —
Всему определяет срок.

Безумцы, пожелавшие жить вечно,
Ему бросают тщетный вызов,
Царапая нещерные рисунки,
Фиксируя эпохи предрассудки
В скрижалях и в нетленных афоризмах,
Но время все стирает бессердечно.

И лишь один — нет, не научный гений,
Не Фауст, не поэт и не газетчик ловкий
Способен отключить безжалостный хронограф.
Зовется он непафосно — ФОТОГРАФ,
А значит — специалист по остановке
Прекрасных и отчаянных мгновений.

Он из потока лиц, эмоций, судеб,
Движений, ситуаций и событий
Выхватывает яркие сюжеты,
Как редких бабочек, чья ловля под запретом,
И радость этих маленьких открытий
Он подарить готов равнодушным людям.

Фотограф, покажи нам мир,
В котором мы живем,
Но в суете порой его не видим,
Фантазии добавь, чтоб не был столь обыден,
И светотенью нарисуй объем.
Ведь красота — твой вечный ориентир!

Хадаа Сендоо

Улан-Батор, Монголия

Весенний дождь

Давно желанный ливень
сухие ветки с неба атакует
и вновь цветут увядшие цветы
весенний паводок переполняет реки
лишь над седидами весна не властна
и сколько б ни смотрел на звезды
колодец старый
не оживит вода нутро сухое

Все как всегда

Приходят сумерки
и ласточки домой летят
В бездонном мирозданье
все в сон погружено
лишь я один не сплю
одной рукою обнимаю ночь
а на другой единственная спит

Перевела с английского
Александра Заболотская

ТОЛ-СТОЙ, КТО ИДЕТ?

(на заданную тему)

Одинокий атолл
Высокой словесности
В море банальности,
В атмосфере брэнности,
В угаре всеядности,
В потоке сюоминутности,
В лагуне глупости,
Как Святейший престол
Посреди океана
Сияет несказанно!

К нему подплываешь
В углу суденышке
С душой изнывающей
От чувства никчемности,
И тут грозным рыком,
Как птицу влет,
Сбивают спонтальку:
«ТОЛ-СТОЙ, КТО ИДЕТ?!»
Это что, пароль
Для ответа на вскидку?

А может, фейс-контроль,
Вопрос на засыпку
Не купивших билет,
Но постыдно стремящихся
Оставить свой след
Там, где место талантищам.

«Нет, я не Толстой! —
Отвечаешь измученно, —
Я совсем другой
Избранник случая.
Мне б лишь бросить взгляд
На священные роци
И я сразу назад
В свой стиль доморощенный».

Но остры копыта-перья
У охранников-критиков
«Отгребай взад скорее,
Тут не общежитие!
Отправляйся обратно
В свою безвестность!»
— «Ну и ладно,
Не очень-то и хотелось!»

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Лесе Тышковской

мой дом — это я сам
поэтому я всегда дома
даже если иду по дождливому зябкому городу
родина — это я сам
поэтому я никогда не страдаю ностальгией
я ни с кем не спорю
не конфликтую
хотя когда нападают — даю сдачи
говорю тихо
раньше когда я был молодым и неопытным
наемным менеджером

я кричал на своих сотрудников
но они все равно меня не слышали
теперь у меня свой бизнесок
и меня слышит большой коллектив
хотя я говорю все тише и тише
я не тороплюсь
не хожу туда куда меня не зовут
ни на кого не обижаюсь
с теми кто может обидеть я просто не вступаю

в контакты

мне сорок лет
у меня есть все для счастья
разум сознание
крыша над головой
свое дело
друзья
стихи
хлеб
жареная картошка
колбаса
соль
холодная вода
чай
мед
весной я буду топить печку на даче
и смотреть на огонь
и поеду в Берлин чтобы поздравить
мою прекрасную дочку
с восемнадцатилетием
я знаю что я должен делать
хотя и не знаю зачем
я должен выполнить свою работу
и спокойно уйти
я знаю куда

22.01.2005

Есенинский бульвар

Рисунки Кристины Зейтуниан-Белоус

Александр Еременко

Разговор поэта Ивана Жданова
с философом Сквородой

Иван Жданов.

Кто перепрыгнул эту лыву*,
Тот всех имеет в хвост и в гриву

Григорий Скворода.

Кто перепрыгнул эту лыву,
Тех не имеют в хвост и в гриву

Примечание редакции

* лыва ли́ва “зыбкое, топкое место в болоте; лужа после дождя, густой лес на болотистой почве”, олонек. (Кулик.), арханг., кемск. (Подв.), вологодск. (ЖСт., 1895, вып.

3–4, стр. 392), колымск. (Богораз), тоб. (ЖСт., 1899, вып. 4, 498), “принесенные течением водоросли”, костром., др.-русс. лыва “болото” (XV в.; см. Шахматов, Двинск. грам. 2, стр. 58), лывина “лес по болоту”, грам. 1555 г. (см. Срезн., Доп. 157), Зальвииве (новгор. грам. XIV–XV вв.; см. Срезн. I, 927). Согласно Калиме (157), заимств. из фин., карельск. liiva “ил, тина”. Сюда не относятся коми li_a, li_ua “песок”, удмурт. luo (Вихм.–Утила 139). Неприемлемо сравнение лыва и луб, вопреки Зеленину (ИОРЯС 8, 4, 260); см. Преобр. I, 482. Формы на -и-, возм., под влиянием лить; лтш. līvis “болото, топь”, возм., заимств. из русск.; см. М.–Э. 2, 491.

Неясно происхождение лтш. livers “болотистая почва, трясына”, которое считали родственным слову лыва Маценауэр (LF 10, 51), Миклошич (Mi. EW 178); см. М.–Э. 2, 476. Сюда не относится также лтш. lēvenis “болотистое место”, вопреки Маценауэру (там же); ср. М.–Э. 2, 463 и сл. (Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера).

Мука была сыра.
Дуга была туга.
Катя была мила.
Катя шила шубу.
Таня жила дома.
Маша била Васю.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Галина Мальцева
ДООС – стреказелла

СТРЕКАННА КАРЕНИНА

Сергей Цимбаленко СВОЙСТВО СУЩНОСТИ

Метафора дня щеку щекочет большой пылинкой,
Аллегория тебя мчит с испугом ланью на фото в рябой оправе –
Гипербола бытия так пишет свою картинку,
Где восторг и страх готовы друг к другу в виде литоты для переправы.

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр

Казань

«К».

Вл. Киносьяну

ПА!

(с закрытым ртом)

нн...

Йцьв!

Кенг шлорпамс вцёубти?

Иммс...

Чяффф!

(отходчиво)

Бя

яфф

(удивлённо)

Некуц фывъ?

(горделиво)

Аппр

ол тимсчяч!

Чяячы!

(словно задувая свечу)

Ф...

Зилана

(в стиле «Go Laid»)

– Ри.

– Ну?

– Ри, но...

– Ну?

– Но си...

– Ну?

– Си...

– Ну-ну!?

– Три.

– В смысле:

«три – четыре?»

– No, три. Те – реть!

– На треть?

– No, no – tutti quanti:

це – ли – ком!

– Ком?! Цели?...
Цели ком: Ри?

– No.

– Си?

– Si, си.

– Ну и...

– Т...т...три!

– Но Ри...

– No, no, – си! Си...

– Ну-с?

– O sinus и три.

– Осину?!
– Ус!

– Ус?

– Ус оси!

– O синус?

– Si.

– Ус?

– Си.

– Ус ос...

– Осин ус – о Си!!

– И?..

– Три!

– Но...

– Ну?

– Ин ус оси – он, вестимо,

есть и осин ус;

a sinus осин – Ри? Си?

– Тхр!

– О!

– Тхр! Он и...

– Ну?

– И чекс...

– И?..

– И ий Рин!

– О!

– Но си... si...

– Ну?

– Си...

– Ну-с? Си, и

– Т!

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

моя родословная

*в Ясной Поляне каждый житель
чем-то напоминает Толстого*

граф был любвеобилен

гулял возле пруда

увидел Машку

не удержался

3 рубля

запись в расходной книге

*крестьяне ходили к нему
за советом и правдой*

моя прапрабабка

из крестьян

тоже ходила к барину

за своей правдой

отец утверждает

что прадед был очень похож

на Льва Николаевича

в Ясной Поляне

зимний детский лагерь

в доме отдыха

в Ясной Поляне

*

несколько корпусов

соединённых ДК и переходами

с буйной зеленью

свежий щекотный запах

традесканции герани бегонии

*

первые аккорды на гитаре

сеанс массового гипноза

первая драка с другом

*

полутёмные коридоры

случайные поцелуи

пьянящее имя Вероника

в СССР ещё нет секса

*

через целую жизнь

в этом же доме отдыха

шумная свадьба

*

её бывший любовник за воротами

много шампанского

я с невестой

в полутёмной комнате наверху

разборка с местными

*

после развода

ДК соединявшее корпуса

рухнуло

к счастью

никто не пострадал

*

несколько участников тех

событий

уже умерли

*

вчера

в Ясной Поляне

опять шёл снег

Дёти, куда вы дёли вашу юлу?

Дали бы вы юлу Машѣ.

Она была бы рада.

Лев Толстой

из «Новой азбуки»

Татьяна Бонч-Осмоловская

кандидат филологических наук
Сидней, Австралия

Падающие медведи

из серии «Австралийские хищники.
Не стань их жертвой!»

Но распространенному заблуждению, животный мир Австралии представлен ласковыми, пушистыми зверюшками, вроде коал и кенгуру. В действительности, как писал известный исследователь природы Терри Праггетт, условно безобидными в Австралии являются лишь некоторые виды овец. Все прочие животные представляют значительную и несомненную угрозу не только человеку, но и себе подобным. Климат Австралии, содержащий древние и агрессивные частицы, так называемые агрогены или агрегаты, производит необратимые мутации в самых мирных и незлобивых тварях. Многие местные старожилы до сих пор с ужасом вспоминают саблезубых кроликов, внезапно заполнивших леса Австралии и уничтоживших их практически полностью. Бытует в народе и легенда о сусликах размером со свинью, которые питаются корнями столетних дубов и другими сусликами. Но самый ужасный австралийский хищник – загадочный падающий медведь, или кошмарала.

Некоторые биологи утверждают, что он приходится родственником обычному коале, но даже если это и так, то родство у них не более близкое, чем у малышки шимпанзе и громадины гориллы. Во всяком случае, оба они не являются медведями.

Внешний вид кошмаралы в принципе напоминает очертания коалы, только выросшего до двух, двух с половиной, а иногда и до трех метров, и почти полностью лишённого шерсти. Шкура кошмарал представляет собой дубленную, обыкновенно черную кожу, необыкновенно длинные лапы снабжены острыми как бритва когтями, а за растянутыми в вечной умешке губами скрываются грязно-желтые резцы, вырастающие у некоторых особей до тридцати см. Эти внешние черты используются кошмаралой как в повседневной жизни, так и на охоте.

Как и коала, кошмарала большую часть времени проводит сидя на эвкалипте, крепко прижавшись к стволу и вцепившись в него когтями. Отпускает дерево кошмарала только заведя случайную жертву, остановившуюся на отдых непосредственно под ним. Тогда он летит вниз, издавая в полете долгий немелодичный вопль, оканчивающийся только с непосредственным контактом с добычей. Или с поверхностью земли.

Кошмаралы – животные стадные, большая семья кошмарал обыкновенно селится на одном дереве и охотится вместе. Самки кошмарал, как правило, крупнее самцов и более уравновешены. Они не падают с деревьев, а занимаются воспитанием детенышей, приучая их к охоте с самого раннего детства. Во время охоты самки кошмарал достают детенышей из-за спины и отпускают их в самостоятельный полет. Так что если первому кошмарале случается промахнуться, кто-то из его родственников почти наверняка попадает прямо на жертву. Поэтому случаи, когда несчастному удавалось выжить и поведать об ужасном приключении, чрезвычайно редки, если и существуют

вовсе. К тому же, правительство, озабоченное развитием экотуризма более, чем безопасностью самих туристов, всячески скрывает факты диких зверств кошмарал. Более того, известны случаи, когда исчезновение отдельных людей и даже целых автобусов с японскими туристами, несомненно задавленных кошмаралами, приписывалось мифическим крокодилам, ядовитым змеям или оголодавшим аборигенам. Некоторые историки утверждают, что такого рода фальсификации простираются чрезвычайно далеко в прошлое Австралии, что дает им основание поставить под вопрос даже традиционную версию гибели Джеймса Кука.

Так или иначе, человеку, решившему прогуляться по австралийским просторам, следует помнить о кошмаралах и принимать основные меры предосторожности, и в первую очередь не устраиваться на пикник под развесистыми эвкалиптами.

Австралийская ехидна

Ехидна – существо семейства хтонических, одно из немногих уцелевших в процессе смены исторических формаций догомеровской Европы. В период всеобщей и неуклонной героизации средиземноморья под вопрос было поставлено само существование этих милых зверьков, давших рождение таким известным созданиям, как Лернейская Гидра, Химера, Цербер и Сфинкс. К огромному сожалению ехидны, практически все ее потомки были зверски уничтожены юными героями, от Геракла до направления еще до возмужания толпы бастардов со Скифом во главе. Это не помешало последнему обзавестись хорошей долей земной поверхности.

Что же до ехидны, она отчаялась с охваченной революционным пожаром страны с последним пароходом и, претерпев немало испытаний, была выброшена на австралийский берег волной первой эмиграции.

Здесь ей удалось обойти бдительный таможенный дозор и карантин, прикинувшись безобидным ежиком. Однако ни одного представителя семейства хтонических, в бурной и мимолетной связи с которым она могла бы произвести на свет еще одно ужасное создание, ехидна не обнаружила. (Утконосы не в счет.)

Вследствие чего ехидна затаилась в тени эвкалиптов и под крупными камнями в ожидании лучших времен. От нечего делать, а также в целях вторичной мимикрии, она обзавелась набрюшной сумкой и стала регулярно откладывать в нее яйца, из которого появляется на свет новая ехидна.

Загадочным является как вопрос о происхождении яйца (можно было бы предположить, что ехидна похищает его из гнезда кукушки, если бы таковые здесь водились), о процессе попадания яйца в сумку (ну не короткими же ежиными лапками она его туда засовывает), так и в конце концов о последующем поведении вылупляющегося из него существа, которое считает себя родной дочерью своей ехидной матери и тут же припадает к ее обильной груди.

Нужно ли говорить, что долгими зимними вечерами обе они, мать и дочь, неподвижно стоят на морском берегу и, прижимая к глазам платочки, смотрят и смотрят за горизонт, бессмысленно и безнадежно ожидая прибытия хотя бы еще одного парохода с хтоническими родичами, всеми, как один, сгинувшими в кровавой мясорубке героизации их родины.

Ночами тишину эвкалиптовых лесов пронзает горестный вой, от которого леденеет кровь и замирает сердце, стыннут руки и лысеет голова. То тоскует по безвозвратному прошлому несчастная ехидна.

Некоторые аборигенские племена, злоупотребляя этой ее невинной привычкой, используют ехидну в качестве природного холодильника, антибактериального средства и универсального репеллента.

Но ехидны продолжают выходить на берег моря и ждать. Они знают – аборигены приходят и уходят, а волны эмиграции пребудут вечно. И когда-нибудь, неважно в каком будущем, одна из них вынесет на девственно-зеленый берег ее суженого. И тогда настанет время быть всем остальным.

Ведь время героев давно миновало, а существа эпохи политкорректности не вызывают у ехидны сочувствия и сострадания.

Впрочем, их у нее не вызывал никто и никогда.

Платипус

Утконос, или как его называют местные жители, платипус, существо пугливое и стыдливое, да и то сказать, с такой-то внешностью. До сих пор не ясно, как животное себя называет, но проблемы с самоидентификацией у него явно имеются. Несколько десятков сантиметров тела утконоса умудряются вместить плоский костяной клюв, густую водоотталкивающую шерсть, сильные, хоть и короткие лапки с лягушачьими перепонками и крупными когтями, хвост, напоминающий бобриньей, и набрюшную сумку, куда это млекопитающее запикивает свежеснесенные яйца. В общем, если уж грифона и кентавра считать существами, порожденными болезненной фантазией и склонностью пририсовывать пятую ногу, в случае платипуса кто-то здорово оттянулся.

По аборигенской легенде, платипус появился в результате насильственного сожительства крысы с уткой. Многие биологи сомневаются в этой версии, полагая, что это было

по меньшей мере групповое изнасилование, и участвовало в нем, с той или другой стороны, не менее семи животных.

Несчастный платипус очень переживает, как бы кто-нибудь случайно его не заметил и не начал смеяться, чего он очень боится. Поэтому живет платипус обычно в укромных речных заводях, и выходит на берег только ночью, чтобы понежиться в прибрежном иле, постучать хвостом по воде и поискать какого-нибудь неосторожного кролика или любопытного слоненка.

Многие биологи задаются вопросом, как это платипус вообще до сих пор жив. Однако не следует забывать как о монстрообразной природе всех обитателей Австралии в целом, так и в частности о том, что платипус приходится родственником хтонической ехидне, причем единственным дожившим до наших дней. А это уже могло бы что-то сказать не в меру наивным биологам.

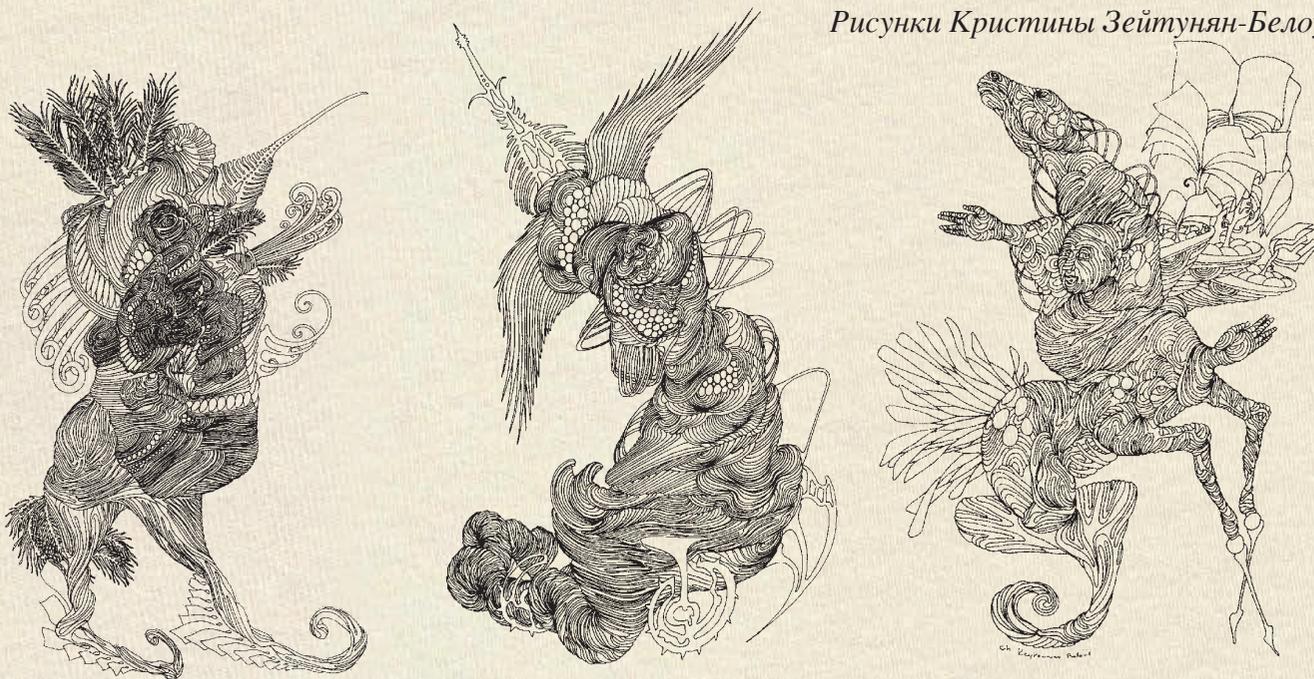
В действительности, платипус еще сложнее, можно даже сказать комплекснее, чем представляется на самом деле. Существо это настолько комплексно-комплексное, что его психика страдает от всех, реальных и мнимых, комплексов, от мании величия до комплекса неполноценности, от Эдипова до противотанкового. А тактика выживания платипуса настолько комплексна, что для ее описания мы вынуждены воспользоваться квантовыми методами.

Как известно, факт наблюдения за квантовым процессом влияет на исход процесса, и наблюдатель неминуемо вносит погрешности в результат наблюдения. В случае платипуса процесс наблюдения влияет, причем необратимым и трагическим образом, на исход наблюдателя.

В то время как наблюдатель, тот самый не в меру наивный биолог, или неосторожный кролик, или любопытный слоненок, занимает свой пост, платипус, наблюдаемый со стороны как пугливый закомплексованный зверек, неожиданно и практически беззвучно реализует свою комплексную составляющую в проекции семиметрового пресноводного крокодила, внимательно наблюдающего за наблюдателем за его действительной составляющей. Наблюдатель оказывается зажат не временным симбиотическим сговором в целом чуждых друг другу существ, а нерушимым союзом пространственно-единого сознания, проективно разделенного на два тела. Легко видеть, что их соединение происходит как раз в точке наблюдения, по нелепой случайности совпадающей с местонахождением наблюдателя.

И все.

Рисунки Кристины Зейтунян-Белов

Длинноногая курочка

Как ни странно, не все представители австралийской фауны представляют собой явную и смертельную угрозу. А один из ее видов даже является живым воплощением вековой мечты сильной половины человечества – мечты о длинноногой безмозглой курочке.

Это – австралийская длинноногая курочка, получившая свое название за длинные, до полутора метров в длину, ноги и изящную голову с крупными, осененными пушистыми ресницами, глазами.

Среди монстров и чудовищ Австралии длинноногая курочка выделяется своим белоснежным боа, нежностью и ранимостью. Единственное оружие прекрасного создания – ее красота, состоящая, при внимательном рассмотрении, из тех же длинных мускулистых ног с острозагаченными когтями, твердого, классической формы, клюва и белоснежного боа, под которым скрывается центнер твердой, как камень, груди и прочего мяса.

Мозгов у длинноногой курочки нет. Правда, сама курочка об этом не догадывается и дорожит ими чрезвычайно. Размеры черепа позволяют разместить в нем лишь рудиментарному гипофизу с единственной функцией распознавания образов по системе «опасность-режиссер-еда». Система основывается, как было доказано авторитетными орнитологами, на принципе случайных чисел.

Испугать длинноногую курочку довольно просто. В случае обнаружения опасности (вероятность примерно 5%) она тонко вскрикивает и пытается сохранить самое дорогое, что, как она думает, у нее имеется – свои мозги. И это ей удается! Сколько раз в красных австралийских песках находили голову длинноногой курочки совершенно целой и невредимой, в то время как все остальное тело было безжалостно уничтожено хищниками и аборигенами.

С вероятностью примерно 15% встречный объект классифицируется как режиссер. В сердце каждой молодой курочки живет мечта о сценической карьере. Длинноногая красавица способна часами полировать ногти, вычесывать боа и грезить о звездах.

Ни в коем случае не приближайтесь к длинноногой курочке в момент ее встречи с режиссером! Вся австралийская природа в это время замирает: крокодилы укрываются в болотах, коалы пробуждаются от здорового пьяного сна и залезают повыше на эвкалипты, а кенгуру прячутся в собственные сумки.

Немногим зверюшкам это помогает. Страсть длинноногой курочки всегда остается безответной, и нежное создание буквально рвет и мечет. По легенде, именно так появились на свет утконосы – несчастные существа с утиным клювом, телом крота и хвостом бобра, когтистыми перепончатыми лапами и склонностью откладывать яйца. И это еще не самое худшее.

Ведь с вероятностью 80% встречный объект идентифицируется как «пища». Определенные особенности функционирования куриного кишечника позволяют ей производить такое заключение при любом удобном ей случае, а курочки, вместе с законом сохранения импульса, способность разгоняться до

120 миль в час за 0,4 сек практически не оставляет жертве шанса. Красота поражают несчастного на месте, подобно удару молнии.

Это должен знать всякий любитель длинноногих курочек: в пяти случаях из ста вы внушаете ей необъяснимый ужас, в пятнадцати – жестокую страсть, а в остальных восьмидесяти вы в ее глазах – лишь набор свежих протеинов. И помните, ни в красоте, ни в беге вам с ней не сравняться.

Опоссум, или экзистенциальный ужас

В Австралии почти нет котов, а те, что есть – кастрируются еще в младенчестве. На квартал в несколько десятков домов приходится одна-две затюканные особи, изредка выбирающиеся на улицу в малиновом ошейнике, неся на пушистой морде сомнение в экзистенциальности всего сущего, вплоть до собственной экзистенции. Кот, задающийся гамлетовскими вопросами, честно говоря, и не кот вовсе! Ну чего можно ожидать от животного, в глаза не видевшего ни одной мыши, не принимавшего участия ни в одной полудночной спевке, не отстоявшего свой участок двора от наглого соседского самозванца, не добившегося благосклонности пушистой красавицы и не просачивавшегося сквозь запертую форточку от ее разъяренного хозяина.

Томасу Элиоту, вздумай он бытописать кошек в Австралии, пришлось бы туго. Выкрутился б старик только взяв себе какое-нибудь кошачье имя и принявшись описывать опоссумов. Потому что этих зверей здесь хватает.

Опоссум – небольшое существо, размером где-то между кошкой и мышкой, с огромными фарами выразительных глаз, светящихся на узкой крысиной мордочке, с пушистым пирамидальным телом, расширяющимся к филейной части, и сильным хвостом, растущим из толстого кошачьего зада.

На эволюционном дереве видов опоссум занимает свою собственную нишу, расположенную на пересечении традиционно считавшихся непересекающимися ветвей кошки и мышки. Возникновение первых опоссумов затеряно в исторической неразберихе расходящихся континентов, наступлении вечных льдов и переселении видов. И слава богу. О некоторых моментах стыдно вспоминать даже кошкам.

Опоссум – животное ночное. Он отважен и нагл, как кот, он пролезает в любую дыру, как мышь, и оказавшись на вашей теплой кухне, начинает развлекаться от души.

Первым делом опоссум пытается узнать, есть ли в доме кот, и вдруг обнаружив несчастного, тут же предлагает ему поиграть в кошки-мышки. Пока обалдевшее животное, привыкшее к нравственным императивам и господству разумного, доброго и вечного, делает попытки разобраться в происходящем, опоссум опрокидывает пару кастрюль, сметает со стола вазу с цветами, разбрасывает соль по полу, сахар по потолку, а варенье – по стенам, и раздувается от счастья как пьяный дикобраз.

Когда вы, разбуженные этим бедламом, выскакиваете посреди ночи на кухню, старайтесь не кричать. Вы ведь интеллигентный человек, толерантный к проявлениям иного самосознания. А все, что вы тут обнаружите – ну что ж, небольшой беспорядок, несколько разбитых тарелок и немножко грязные стены.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

В общем-то, ничего страшного. Но вы хотите проявить строгость и сурово спрашиваете: «Пусик! Кто это натворил?» у мирно чавкающего у кошачьей миски зверя. Вот когда он повернет к вам свою узкую крысиную морду со светящимися прожекторами глаз и ухмыльнется во все сто сорок острых зубов – вот тогда кричите.

В следующие десять секунд, покрываемый сиреной вашего визга, опоссум успеет перевернуть холодильник, сожрав целиком его содержимое, уничтожить запасы круп и мучных изделий, частично распространив их по воздуху взрывоопасной пылью, сжаться и увеличиться в размере раза три, меняя внешний вид от голого новорожденного мышонка до пятнистой рыси с кисточками на ушах, пройтись колесом по системе водопроводных труб, вернуться за забытым ящиком с овощами, сломать обеденный стол, еще раз широко ухмыльнуться и наконец исчезнуть с ваших глаз. Можете закрывать рот.

Через некоторое время к вам вернется способность дышать, глотать и говорить. Вы приберете на кухне, почините водопровод и обзаведетесь новой мебелью. Вы даже обнаружите в одной из щелей в потолке своего кота. Но никогда уж ваша жизнь не будет прежней – безмятежной и уверенной в экзистенциальности всего сущего. Всякий раз, когда вы будете кормить своего Пусика, когда вы будете встречать его с прогулки, когда он, мурлыча, станет запрыгивать вам на руки, вы будете внимательно приглядываться – да полно, ты ли это, дорогой друг. Немудрено, что рано или поздно, и Пусик засомневается. А сомневающийся в себе кот – и не кот вовсе, а так, недоразумение какое-то. Вскоре вы смиритесь и с его пушистой пирамидальностью, и с крысиной ухмылкой, и с круглыми фарами глаз. Вы будете кормить и гладить его, и выпускать погулять в малиновом ошейнике с колокольчиком, и только крепко-накрепко запирайте на ночь дверь в спальню, молясь в ночной тишине, чтоб он не пришел туда. Хотя бы туда.

Собственно, так и пополняется кошачья популяция в Австралии. А как вы думали, партеногенезом стерилизованных кошечек?

Кстати, опоссум – единственное сумчатое, обитающее за пределами зеленого континента. Так что в следующий раз, когда будете накладывать ужин своей пушистой красавице, присмотритесь внимательно, да полно, она ли это... ❖

Продолжение будет!

Рисунок Галины Мальцевой

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошел к ней и понюхал ее.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул ее лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал ее.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лег спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал ее, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришел в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а все нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя, хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол. Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мертвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет свое горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал ее на куски. Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Лев Толстой

Наталья Фатеева

ВЕСЕННЯЯ ХОРВАТИЯ

В парах траварицы
разливается Адриатика,
И темные лапы лавров
тянутся к оранжевой луне,
когда на арене всплывают
римские развалины,
зовущие в тайны Опатии
по тропе Франца-Иосифа

Ольга Ильницкая

НЕТ удодам из Йокогамы!

(попытка ревности)

1.

Ты рифмы пощи...

*Пришел удод, что смыслы,
словно семечки, крадет.*

Он птица вящая:

*под крышею чердачной
кричит: «Уйди! Жизнь есть
наоборот!»*

*Наоборот события текут
и выпекают смысл
из опасений.*

*Произошел удод из потрясений,
а страх сейчас
из рифм произойдет.*

*Какого черта твой корабль
идет в Японию?*

Мне снятся недоτροги.

*У них в разводах алых кимоно
и раздвижные кукольные ноги.*

*Удоды явно с ними заодно
и тоже щеголяют в кимоно.*

*Японки щурят узкие глаза
и повторяют шепотом:*

*«Мы – за, мы за-
зываем ночи напролет,
и ты не жди,
как он тебя не ждет», –
жизнь есть движение наоборот...*

Его корабль в Японию идет.

2.

Слова лихи.

Лиха беда начало.

В конце пути уже иллюзий мало.

В конце пути пустыня, пустота...

*Стоит верблюд, за ним стоят слоны,
в моих видениях свободны и вольны.*

Я вижу берег. И еще – барханы.

И там, и здесь сыпучие пески.

*Мне помыслов навязчивых тиски
сжимают медленно ладонями виски.*

Двойной зажим: верблюд стоит и слон.

В конце пути – припрятано начало:

бессоннице пришел на смену сон.

Я на верблюда села – и пропала...

3.

*А спишь ли ты, в японодушумать,
сумел ли кимоно с удода снять?*

*Не возвращайся ты из Йокогамы,
удодства в дом я не смогу принять.*

*Век не видать тебе Одессы-мамы,
сто лет тебя Одессе не видать!*

Алексей А. Шепелёв

Тамбов

< про пло сти стые хие хи >

о том как мак
дает тебе жизнь я думаю
я думаю а дождь идет в жару
и ты лежишь одна
потный лоб и верхняя губа
и рядом я лежу в жару
на кухне растворитель варится заражать друг друга
ты можешь просто жить не думая
а дома я никак уже не буду о'кей
а яблоки меняют кожуру на мякоть
я режу яблоки ножом но жру кожуру
а ты пихаешь ножкой меня как кошку
к окошку я иду и думаю про дождь
а ты отравленная можешь только еле-еле есть
мороженое которое я ненавижу в твоей коже
я не увижу твоей кожи с твоей кошкой больше
ты ведь очищена ото всего вокруг

меня осенило осенью
озеленило летом мыло
окрасило кровью красной
весной обожгло желтизной
и отбелило белой-слепой-хлопьями-снега зимой
но ночью чую очернило мраком ночи
чернила-речи раки-руки реки-ноги
это меня же осенило твоим телом дело
а тебя отфиолетилило-износиловало
и в море выбросило – где мой любимый цвет
морской волны... войны...

Ирина Силецкая

Цеплялась

Корнями сосны за камни,
Цепким плющом по склону
Цеплялась... В костеле: «Амен!»
А в церкви: «Аминь!» Поклоны
Била богам всем сразу,
Храмах во всех молилась,
Чтобы не предали ни разу,
А если да, чтоб простилось...

Вершиной осины за тучи,
На лапах сосны снежным комом
Держалась, себя чтоб не слушать,
Себя не искать в незнакомом,
Чужом и порочном взгляде.
В словах, пусть чужих, непохожих,
Себя поднесла, как награду,
С румянцем на влажной коже.

Но камень скатился внезапно,
Покрылась гора сетью трещин,
А мне не хватило такта,
Допеть лебединую песню...
Над пропастью корни свисают,
Они потеряли опору.
По склону плющ вниз сползает,
Ему не подняться в гору.

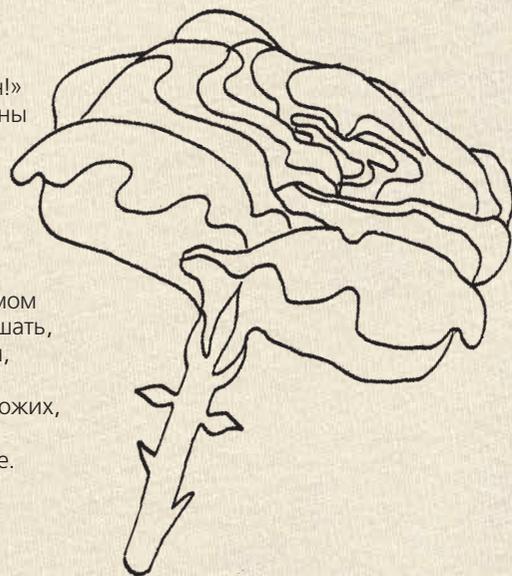

Рисунок
Кристины Зейтунян-Белоус

Герман Виноградов

ДООС – огнезавр

– Красный перец полезный!
– Кто тебе это сказал?
Видишь мотор железный
Крутит кино в кинозал!
А вот ещё пень бесполезный,
На нём молодой человек!
Усталый, больной, или трезвый
Русский, еврей или грек?
А может это Лев Толстой?
По всем приметам уж больно похож:
Ловит мышей головой пустой,
Песни поет и танцует!

Ну что ж,

Доверимся шестому чувству
И улыбнемся восемнадцать раз
Толстому Льву и доктору Прокрусту,
Который очень ловко нас
Сумел уменьшить раза в полтора,
В две целых семь десятых.
Нам пора как Микеланджело все лишнее отбросить!
Как Бах на нужный клавиша нажать!
Как Лев Толстой дитя с балкона сбросить!
Как Маяковский под водой рожать!
И, укрепляя кислород
Волшебной палочкой железной,
Попить из крана H₂O
Такой холодный и такой полезный!!!

Рисунки Кристины Зейтунян-Беллус

1994

Денис Безнос

будильник

Кудрявый дрозд сидел, качал ногой,
нагой атлет от лета до зимы
забыл ответить на звонок, но гость
не уходил, и после казни мы
бросали вместо музыки в тазы
свои затылки, сахарный песок –
пустая вещь держала в лапе соль,
сосредоточенно крутя язык.

гость снял сапоги
гость лег на кровати
горсть пальцев ноги
гость завернул в скатерть

...на площадке курили собаки
за стеной женщина пела
и видно было как у птицы
вертится шестеренка

Звѣрь съръ.
Жукъ сълъ въ щель.
Я на кашу дуль.
У меня было пять пуль.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Вилли Р. Мельников

ДООС – лингвозавр

Я – неисправивкинг, словообразоварвар, неукротигр,
непредсказубр, ускользяца, произволк, потрястреб и в
чѣм-то – изьящерица. Зодиак – сопротивлев. Склад ума –
мультименталист. Социальное происхождение – творянин, но из
разнотинцев. Национальность – идеец. Род занятий – вездельник

Определезвия и оощуцепки.

Поэзия – это проза, которой удалось сбросить чешую знаков препинания.

Муравей гордился высоким стрекозарработком

Катарсис: в непостижизни стань преображертвой!

Пули пишут свои дневники парабеллым по красному.

Религиозный фанатик: сражѣн Богобоязвенным недугом.

Релятивистина в последней Эйнштайнциии.

Прежде чем стать солнцем, приручи свои протуберанцы!..

В мой огород брось камень философский!..

Мои школьные годы – октябрюцанья комсомолотом по пионервам,..

Иных уж нет, а те – долечиваются..

«Терпи, Иисус!» – сказал Пилат. – «Суперстаром будешь!..».

Символ веры замещается верой в символы.

Был в юности непьюн – от времени стал пь'young,..

С миру по Ницше – философу саван.

Ордынский воин принял христианство и воскликнул: «Евангельды!».

Человека бояться – в люди не ходить!

В Зазеркалье ходят на Алисповедь.

Вопрос вопросов: есть ли Бог на Марсе?..

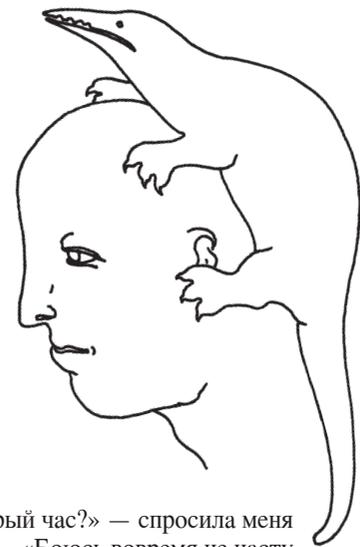
Нолики не склонны нести свои крестики.

А если б не безумство храбрых, чем бы кормилась наша психиатрия?!

Поэты составляют группу рискренности.

Антидепрессант: вымети действительность мгновеником!

Я набело пишу в черновиках!

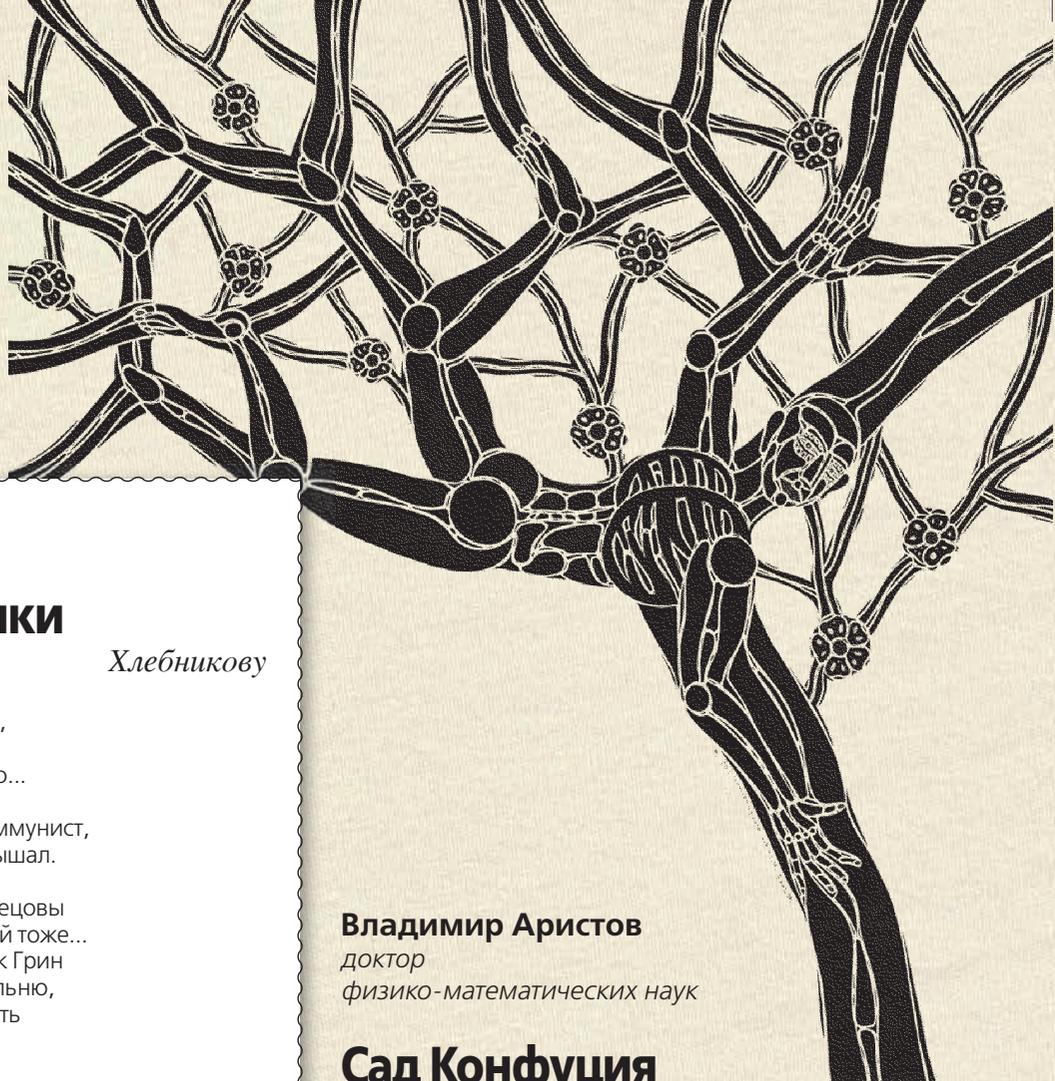

«Который час?» – спросила меня
смерть. – «Боюсь вовремя не насту-
пить!»». Ответил: «Не знаю. Я давно
потерял мои биологические часы!»».
И смерть безвременно забила в
предсмертной агонии...

Журнал **Поэтов**

33

Рисунок
Михаила Молочникова

Александр Вепрёв
Вятка-Ижевск-Сочи

Земляки

Хлебникову

Знал Заболотского при жизни я,
Овидия любительское фото
над письменным столом висело...
Киров
Сергей Миронович, оратор-коммунист,
братан-земляк... Но я его не слышал.

Здесь по соседству братья Васнецовы
со мною жили. Петр Чайковский тоже...
Здесь рядом во дворе романтик Грин
боярышник таскал в избу-читальню,
а террорист Халтурин смастерить
придумал бомбу
для царя Руси...

— Откуда родом ты? — меня спросили.
Ответил.
А потом еще добавил:
— Где Михаил Калашников живет,
который изобрел свой автомат
Калашникова!

Боже упаси! потомкам жить в таком
смешенье жутком,
где можно в воскресенье насладиться
искусством,
и в соборе помолиться...
А в понедельник пулю получить!
А то и бомбу...

Два стихотворения

1. Зарядка Кедрова

Высота поднятых рук — равняется высоте неба.
Ширина раздвинутых рук — равняется ширине моря,
Точка на месте соприкосновения опущенных рук —
равняется глубине любви...
Так начинается Кедров.

2. Стихотавр Вепрёва

... Вчера поздним вечером я сочинил слово «Стихозавр»,
а сегодня утром узнал, что его сочинил Константин
Кедров.
Впрочем, есть ещё «Стихотавр», но это другая история...
Более банальная... Как патефон или синемаграф.

Владимир Аристов

доктор
физико-математических наук

Сад Конфуция

*На этом острове,
И в этом городе
Есть храм, что мысленно перенесен с материка*

*Ворота в нем открыты
И над стеною южной
Над парными драконами
Взлетает неподвижно реактивный самолет*

*Есть двери в нем из сада в сад
Верней, проемы
И также выходы во внешнее устройство*

*Там под деревьями бетонные скамьи
И рядом, всего лишь через несколько ступеней
Двор, где сидят соседи за столом*

Две-три машины под узловатыми деревьями

*И дальше ничем не огражденное пространство
Где красные огоньки у светофоров и мотоциклов*

*Ранние сумерки и этот сад
И улица, напоминающая чем-то Москву 50-х
Проемами между домами
Такая же, точнее, та же вечерняя грязь нежная
И сжимающая тающая легкость темноты*

*Вечерний сад с проемами дверей
Там двери не изъяты —
Они воздушны изначально*

И если кто-то встать сумеет там — он будет воздух.

Геля Воронина

Однообразно пройденные бунты

Пароходы
парадоксами
отплывали в ужас Внесемелья,
в самую гущу;
с трудом верю.
В прессованную
сахарно-кофейную гущу;
ледоколы объедали грушу,
примерзшую дном.
Ты мне виделась
целым днем.
В интегральную
твердость зачем пряталась?
Я карту игральную
переверну козырем —
королем винно-городских столбов.
К ним пришвартуется небо,
так скоро, как только сможет.
Полномочия игры с себя сложит
полупьяный монарх.
Периодически небо трубило
В турбины:
«Крах! Крах! Крах!»

Я же видел диаметрально маленький,
Сухонько узенький
Краешек твоего нежного платья из крема.
Я был слабенький,
Нечутко глупенький,
Что не схватил его
При моменте первом.
Ты спала на громыхающем,
Солями обложенном
юго-восточным ветром
Десантном флаге,
Где с волшебною гибкостью твое тело
положено
На туго изогнутом стяге.
Корабли уносили тебя,
Рисунок из кружев твоих ресниц,
Которыми ты разглаживала
смятые щеки ветра,
впялились мне
в глаза с остротой спиц,
вязавших море из фетра.
Горбуны полудиких, исковерканных волн
Уносили
тебя,
Дыханьем ведёр
Брызгали на кожу и рот.
И как уговорили
Тебя
Оставить жемчужный бело-болезненный лед,
Когда путь так отвратительно солон?..

16-17.09.2008 г.

Война и мир... и Конфуций

Лев Толстой

Патриотизм или Мир?

Умператор Вильгельм, одно из самых комических лиц нашего времени, оратор, поэт, музыкант, драматург и живописец и, главное, патриот, нарисовал недавно картину, изображающую все народы Европы с мечами, стоящие на берегу моря и по указанию архангела Михаила смотрящие на сидящие вдалеке фигуры Будды и Конфуция. По намерению Вильгельма это должно означать то, что народы Европы должны соединиться, чтобы противостоять надвигающейся отсюда опасности. И он совершенно прав с своей отставшей на 1800 лет языческой, грубой, патриотической точкой зрения.

Европейские народы, забыв Христа во имя своего патриотизма, все больше и больше раздражали и научали патриотизму и войне эти мирные народы и теперь раздражили их так, что действительно, если только Япония и Китай так же вполне забудут учение Будды и Конфуция, как мы забыли учение Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей (этому скоро научаются, как и показала Япония) и, будучи бесстрашны, ловки, сильны и многочисленны, неизбежно очень скоро сделают из стран Европы, если только Европа не сумеет противопоставить чего-нибудь более сильного, чем оружие и выдумки Эдиссона, то, что страны Европы делают из Африки. Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его" (Лука, VI, 40).

На вопрос одного царька: сколько и как прибавить войска, чтобы победить один южный не покорявшийся ему народец, — Конфуций отвечал: "уничтожь все твое войско, употреби то, что ты тратишь теперь на войско, на просвещение своего народа и на улучшение земледелия, и южный народец прогонит своего царька и без войны покорится твоей власти".

Так учил Конфуций, которого нам советуют бояться. Мы же, забыв учение Христа, отрекшись от него, хотим покорить народы силою и этим только приготавливаем себе новых и более сильных врагов, чем наши соседи.

Один мой приятель, увидав картину Вильгельма, сказал: "Картина прекрасная. Только она означает совсем не то, что подписано. Она означает то, что архангел Михаил указывает всем правительствам Европы, изображенным в виде увешанных оружием разбойников, то, что погубит и уничтожит их, а именно: кротость Будды и разумность Конфуция". Он мог прибавить: "И смирение Лао-Тзе". И действительно, мы, благодаря своему лицемерию, до такой степени забыли Христа, вытравив из своей жизни все христианское, что учение Будды и Конфуция без сравнения стоят выше того зверского патриотизма, которым руководятся наши мнимо-христианские народы.

И потому спасение Европы и вообще христианского мира не в том, чтобы, как разбойники, обвешавшись мечами, как их изобразил Вильгельм, бросаться убивать своих братьев за морем, а напротив, в том, чтобы отказаться от пережитка варварских времен — патриотизма и, отказавшись от него, снять оружие и показать восточным народам не пример дикого патриотизма и зверства, а пример братской жизни, которой мы научены Христом. ♦

Москва, 5 января 1896.

Иззет Меликова
Баку, Азербайджан

Посвящается памяти Виктора Гюго

*«Я отказываюсь от проповеди всех
церквей; я требую молитвы за все
души: Я верую в Бога»
Виктор Мари Гюго*

Вдали мне слабо слышен колокола звон
И люди, словно призраки в тумане
Брели гурьбой по направлению в Пантеон,
И возглавлял их человек в сутане.
Безмолвно шествие. В зловещей тишине,
Причудливые образы вставали,
Будто скользили молча тени по стене,
Они Его сегодня провожали.
Спустилась ночь. И под покровом темноты,
Лишь уловимо лёгкое движение,
И каждый в эту ночь сжимал в руках кресты
Как бы прося у Господа прощенье.
Царит покой. Во мрак навеки погребён
Тот облик, что казался божьим светом
Сегодня к смерти бог — пера приговорён
И вся страна склонилась над поэтом.
Как мать, что потеряла чадо, ты скорбишь
И боль разлуки не унять словами,
Ты сына потерял, крепись Париж,
Ведь этот день тебе не смыть слезами.
Стоит под Триумфальной аркой катафалк
И чёрная вуаль его скрывает,
Но развивается над ним трёхцветный флаг
И Млечный Путь поэта освещает.
Пусть поэт от смертных далеко
Скончался Он. Но в памяти ведь живы,
Во истину великие стихи Гюго
«Эрнани» и «Восточные мотивы».
Сейчас ты голову склонив, над ним стоишь,
Лишь молча обливаешься слезами,
Гордись, такого сына воспитал Париж
И память будет жить о нём веками!

Катарсис

Я волею небес низвергнут в пламя,

Чтоб чрево тлело, чтобы душа горела,
Чтоб каждой клеточкой обугленного тела
Бальзамом согревая жуткий страх
Пред Вечностью, когда остывший прах
В степях глухих, в пустыне, в чистом поле,
По божьей милости, по божьей воле
Испепелявшие в стенаниях чело
До Страшного Суда б в ущелье полегло.

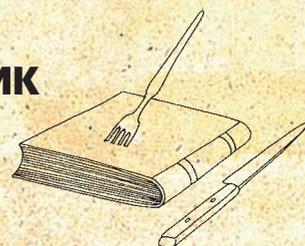
Я волею небес низвергнут в пламя

Во тьме скитаюсь среди сонм, покинув дом
И для меня сомкнулся огненным кольцом
Весь мир. И каждый круг пройдя я как Эней
Спускаюсь в бездну, в царство злых теней.
Как мрачен город Дит, пустой, безбрежный,
Там нет пристанища души безгрешной.
Такого путника блуждавшего во тьме
Нет ни в Аду, нет ни на Небе, на Земле.
Я волею небес низвергнут в пламя

Архиерей и разбойник

Ремикс Льва Толстого

(сюжет из «Отверженных» В.Гюго)

Одного разбойника давно искали. Раз он переоделся и пришел в город. В городе его узнали полицейские и погнались за ним. Разбойник бежал от них и прибежал к архиерейскому дому; ворота

были открыты: он вошел во двор.

Послушник спросил его: что ему нужно? Разбойник не знал, что отвечать, и наобум сказал: «Мне нужно архиерея».

Архиерей принял разбойника и спросил, за каким он делом пришел к нему? Разбойник отвечал: «Я разбойник, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя».

Архиерей сказал: «Я — старик, смерти не боюсь; но мне жаль тебя.

Поди в ту горницу, ты устал, отдохни, а я тебе пришлю поесть».

Полицейские не посмели войти к архиерею в дом, и разбойник остался у него ночевать.

Когда разбойник отдохнул, архиерей пришел к нему и сказал: «Мне жаль тебя, что ты холоден и голоден и что за тобой гоняются, как за волком, но мне всего более жаль тебя за то, что ты зла много сделал и душу свою губишь. Брось дурные дела!»

Разбойник сказал: «Нет, мне уже не отвыкнуть от худого: разбойником жил, таким и умру».

Архиерей ушел от него, растворил все двери и лег спать.

Ночью разбойник встал и пошел ходить по горницам. Ему удивительно показалось, что архиерей ничего не запер и оставил все двери настежь.

Разбойник стал оглядываться кругом — что бы ему украсть, увидал большой серебряный подсвечник и думает: «Возьму я эту вещь — она много денег стоит — и уйду отсюда, а старика убивать не буду». — Так и сделал.

Полицейские не отходили от архиерейского дома и все время караулили разбойника. Как только он вышел из дому, его окружили и нашли у него под полой подсвечник.

Разбойник стал отпираться, но полицейские сказали: «Если ты от прежних дел своих отпираешься, то от кражи подсвечника отклепаться не можешь.

Пойдем к архиерею — он тебя уличит».

Привели вора к архиерею, показали ему подсвечник и спросили: «Ваша ли это вещь?» Он говорит: «Моя».

Полицейские сказали: «У вас украли эту вещь, а вот вор».

Разбойник молчал, и у него, как у волка, бегали глаза.

Архиерей ничего не сказал, вернулся в горницу, взял там дружку от того же подсвечника, подал разбойнику и говорит: «Зачем же ты, дружок, только один подсвечник взял? Ведь я тебе оба подарил».

Разбойник заплакал и сказал полицейским: «Я вор и разбойник, ведите меня!»

Потом он сказал архиерею: «Прости меня, ради Христа, и помолись за меня богу». ❖

В Долине Жизни мёртв, в Долине Смерти жив
Я на мельчайшие осколки жизнь разбив,
Блуждаю между Небом и Землёй
Утратив силы, как полуживой.
Мне чужды чувство боли и сомненья
Я в поисках минутного забвенья
И в этом мой удел и я готов нести
Свой жалкий рок, чтобы других спасти.

Пусть волею небес низвергнут в пламя
Мне бы гореть в огне, лучом скользнуть во тьме
И быть звездой путеводной на Земле
Мне бы пройти сквозь мрак и свет... Аминь!
И на вопрос найти ответ один.
Я волею небес низвергнут в пламя
Клянусь вам люди, превращусь я в знамя!
Сейчас осознаю всех слов и мыслей суть

Мargarита Аль
ДООС – стрекозАль

Треугольный куб шара

*треугольный куб шара
в геометрической метавселенной двух
противообитающих на одной
целому минус – плюс
корню – квадратный вымысел*

*Я – это ТЫ здесь
ТЫ – это Я там
там минус здесь – ТЫ
здесь минус там – Я*

*ВСЁ минус ТЫ – Я
ВСЁ минус Я – ТЫ
ТЫ минус ВСЁ – Я
Я минус ВСЁ – ТЫ*

*куб минус шар – ТЫ
шар минус куб – Я
куб минус ТЫ – шар
шар минус Я – куб*

*мир минус миг – век
миг минус мир – жизнь
ТЫ – это Я «в»
Я – это ТЫ «за»*

*ночь минус день – сын
день минус ночь – дочь
ТЫ – это Я сын
Я – это ТЫ дочь*

*кругу – вселенский шар
шару – вселенский круг
целому – по целуй
целое – улетай*

Не небо распяло руки не руки распяли небо

Боль!
Даже звёзды в небе
Гаснут
В своей Несмерти
Страх!
Даже дети
Знают
О том и об этом свете.

Люди целуют время
Землёй прижимаясь к небу

Пространство целуют дети
К земле прижимаясь небом

Ходят по кругу ходят
По кругу ходят по кругу

По небу ЗемляиСолнце
По людям
пространствовремя

По жизни в повозке смерти
По смерти в повозке жизни

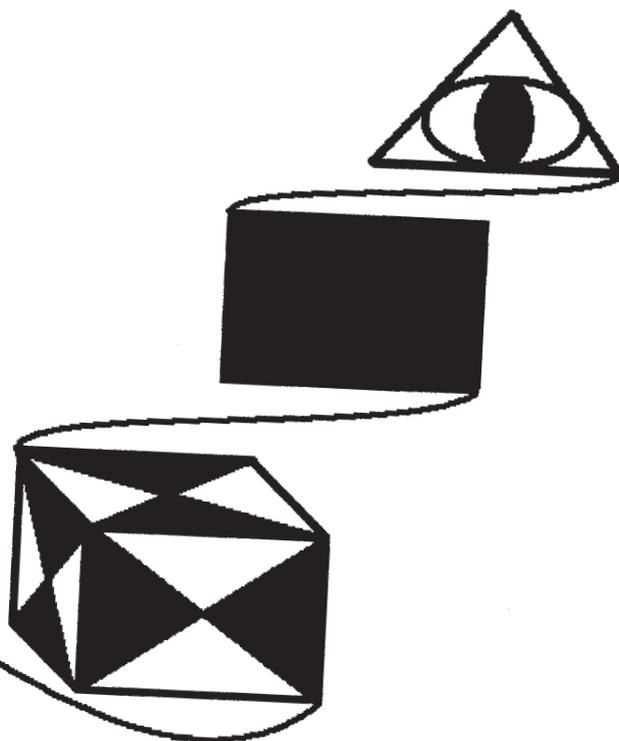
Повозке нельзя без круга
Без круга нельзя в повозке
Ходит по кругу небо
Ходит по кругу небом
По чёрному ходит белым
По белому ходит чёрным

И справа и слева – небо
И сверху и снизу – небо
Внутри и снаружи – небо
Внутри и снаружи неба

По чёрному белым небом
По белому чёрным небом
И белым и чёрным страшно
И чёрным и белым больно

Небо распяло небо
Руки распяли руки
Не небо распяло руки
Не руки распяли небо

Мученик
учитель

Алла Кессельман

ДООС – Дева нот

СНЕГ

(Лекция студентам Первого медицинского института)

Не пугайтесь фиолетовых тел
Не пугайтесь
Осторожно, они многояростны и кислотны
Они криком режут небо под личиной тишины
и на ладони невидимы для глазных радаров
не приступайте к расчленению
без техники и безопасности
опасайтесь прикосновений
разлагающихся слезами
не давайте глядеть неподвижно, как бы прощаясь
(траектории прощания не поддаются расчету и могут помешать работе точных приборов)
не забывайте, что имеете дело с высокой плотностью,
изворотливостью и дробностью (как всегда при синдроме снега),
неспособностью себя посчитать (матофреническое множество),
рецидивирующей экзистенции*

с ними – воздуха дядька, шевелящий бредень
(тянешь – мерцает, вытащишь – темнота)

Платон улетает волоча кота
и кудряшки бересты подоженной

не засмотритесь на танцы ночных водометов,
замерзших всуе садами

(танцует)

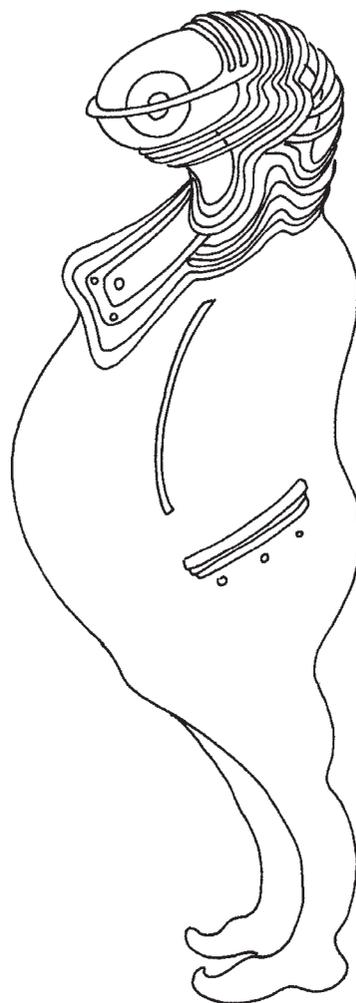
о песнь связанных кристалнорадренергических рецепторов
о ингибитор, носящийся над водами,
о фенспериды-фурии, дочери индапамида-вулкана
фотемюстина нагая, молнии-агонисты ДЗ, ДЗ
ядовитые пасти гипертензий,
росянка, росомаха – вам аркаю
о хищные вихри мирозных нитрозо, торнадо
в покрывках у фенспирид
мюстофоран нолипрел коаксил коракс
не бойтесь их фиолетовых тел,
не бойтесь
они пришли за вами
не верьте геспериновому визгу,
не верьте
небо молчит за ним тишиною квадратов
эреспал – эреспите, спите
отмерена, отсыпана смерть

проноран детралекс проноран бивалос тротил ретард
эреспал – эреспите, эреспал, эреспал, эреспите

периндоприл индопамид гексаген
смешиваются в зените –

Аминь.

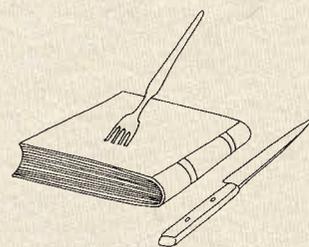
** навязчивые состояния воскресения, осложненные бредом о близости неба*

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Ваня и Дуня съли на снѣ
и рыли на снѣ дыру.
Таня съла на сѣно и пѣла:
люли люли, дули дули!

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Перро Шарль

Акшулоз или Золушка

Литературный ремикс

Принцессе надоела спокойная жизнь, и она обратилась за помощью к старой фее.

– Мне скучно, — залилась слезами Золушка, Все балы одинаковые!

– Не плачь! Я все уже подготовила, — сказала фея, — теперь ты можешь отправиться на бал.

– Запомни, — произнесла фея, — после того, как часы пробьют двенадцать, тыква снова станет каретой, мыши оборотятся лошадьми, а толстая крыса кучером — Старое платье же твое снова превратится в Шикарный наряд. Прощай!

Взмах волшебной палочки — и роскошный бальный наряд превратился в старое, испачканное золой платье. На ногах у девушки засверкали тяжелые чугунные туфельки. Не помня себя от радости, Золушка села на тыкву, крыса щелкнула хвостом, мыши запищали.

После первого бала придворные подхватили Принцессу и повезли во дворец. В тот же день принц развелся с Золушкой.

Принцесса была не только хороша собой, но и добра: она простила их от всего сердца.

Тут сестры и мачеха поняли, что с этой красавицей им придется теперь вместе жить. Они устремили друг на друга косые взгляды.

В это время дверь тихонько приоткрылась. В комнату вошла старая фея, дотронулась своей волшебной палочкой до тяжелой чугунной туфельки Принцессы, и она сразу же превратилась в хрустальную. Все ахнули!

Тогда Принцесса с легкостью сняла туфельку с ноги.

Достала из кармана вторую и отдала ее, не говоря ни слова.

Опрометью бросилась она из зала. На лестнице, ведущей в сад, она оступилась о золотую туфельку принца. И забрала ее с собой, на память. Темнота скрыла девушку. Скрыла и то, как старое запачканное платье превратилось обратно в бальный наряд, а тыква, мыши и крыса вновь стали каретой с лошадьми и кучером. Бросившемуся вдогонку принцу не досталась даже золотая туфелька.

Как ни старались ее сестры вынуть свои ножищи из хрустальных туфелек — все напрасно. Придворные собрались было уже уходить, да спросили:

– Нет ли у вас еще какой-либо девицы в доме?

– Нет, — отвечали сестры, — она у нас одна такая.

Наконец они уехали в дом Принцессы.

Вернувшиеся с бала мачеха с дочками на все лады обсуждали бракоразводный процесс известной Красавицы, а также ее поспешное бегство. Принц же захотел развеяться и решил прогуляться.

Он стал разъезжать с придворными по всему королевству и снимать хрустальные туфельки подряд у всех девушек.

Вернувшись домой, Принцесса поблагодарила фею

и спросила, нельзя ли и завтра ей поехать во дворец в таком виде, ведь хочется еще принцу насолить...

– Запомни, — произнесла фея, — волшебство продлится только до полуночи.

В это время раздался стук в дверь — приехали сестры. У них только и разговоров было, что о бывшей принцессе.

На другой день они снова отправились во дворец.

Золушка приехала тоже — и была еще оборваннее и грязнее. Принц даже не подошел к ней. И вдруг часы стали бить полночь. Золушка вспомнила предупреждение феи. И тут же пригласила молодого принца на танец. Музыка заиграла опять. Принц старался избавиться от нее весь вечер, не прикасался к угощению и отводил глаза от своей бывшей дамы. Принцесса крепко держала его. Но время шло, и вдруг принцесса услышала, что часы пробили три четверти двенадцатого. Она встала, распрощалась со всеми и убежала так быстро, что никто не смог ее догнать.

Бал был в самом разгаре, когда принцу доложили, что уезжает его бывшая принцесса. Он сам выбежал провожать ее и вывел из зала.

Музыка стихла, все замерли, изумленные ее наглостью.

Однажды в королевском дворце снова решили устроить бал. Приглашены на него были все знатные и богатые люди. Приглашение получили и принцессы сестры.

Они жили в доме вместе с мачехой и оказались — злыми и вздорными девочками, как и их мать.

Они бросились примерять нарядные бальные платья, а Золушка должна была их одевать и причесывать, да еще терпеть нескончаемые капризы.

Принцесса сидела дома и плакала в уголке. Очень уж ей не хотелось с сестрами ехать на бал. Наступил вечер, и в сумерках в комнату вошла старая фея. Она спросила плачущую принцессу:

— Ты больше не хочешь на королевский бал? Не плачь, помоги мне. Есть у вас золоченая карета?

Золоченая карета нашлась у крыльца.

Фея прикоснулась к ней своей волшебной палочкой, и золоченая карета превратилась в большую тыкву.

Потом фея заглянула в конюшню. Взмах волшебной палочкой — и стоявшая там шестерка породистых лошадей оборотилась в мышей.

Пригодился и важный кучер на передке кареты, он превратился в толстую усатую крысу.

– А теперь, — сказала Принцессе фея, — ступай в сад. Там сидят шестеро слуг. Пригласи их сюда.

Принцесса привела слуг одетых в расшитые золотом ливреи, и фея тут же превратила их в шесть ящериц.

Мачеха невзлюбила падчерицу и взвалила на нее самую грязную работу.

После работы бедная девушка садилась в уголок возле камина прямо на золу. Вот и прозвали ее сестры в насмешку Золушкой. ♦♦

Игорь Яркевич

История советской красоты

Памяти советского фигурного катания

Советская красота родила себя сама. И сама себя сделала. Она была самодостаточна. Советская красота была сама себе имиджмейкер и сама себе визажист. Сама себе пластический хирург. Иногда она вместе с морщинами отрезала себе голову.

У советской красоты было много лиц и даже положений в пространстве. Она все время ускользала. За ней постоянно нужен был глаз да глаз. Иногда она уходила под землю, одевалась в мрамор и была московским метро. Иногда она росла вверх и тогда становилась Останкинской телебашней. Иногда вширь и тогда она была Нонной Мордюковой или Людмилой Зыкиной. Или Сергеем Бондарчуком. Иногда она резко худела и тогда уже была Мариной Нееловой или Олегом Далем. Иногда она много рожала детей и была Матерью-героиня. Иногда у нее были стальные глаза, и тогда она была Родина-мать. Иногда она летела в космос и тогда была космонавтом Терешковой. Иногда советская красота садилась за трактор и тогда была Пашей Ангелиной. Иногда она уходила в тыл врага и тогда была Зоей Космодемьянской. Иногда она уходила плавать в северные широты и была ледоколом «Лениным». Иногда кувыр-калась на бревне и тогда была Ольгой Корбут. Иногда делала успешную карьеру в партии и тогда была министром культуры Фурцевой. Иногда она могла заблудиться в лесу и тогда была Красной Шапочкой. Иногда советская красота раздваивалась и тогда была писателями Ильфом и Петровым или легкоатлетами братьями Знаменскими. А иногда советская красота даже могла разделиться на троих. Тогда она становилась киноартистом Вицин-Никулин-Моргунов. Или хоккеистом Михайлов-Петров-Харламов. Потом она снова объединялась в одном лице, звонко пела с акцентом и становилась Эдитой Пьехой. Потом она обижалась, нервничала, стучала ботинком по столу и тогда была Хрущевым. Потом в нее поселяли много людей, и тогда она была коммунальной квартирой. Потом в ней танцевала Майя Плисецкая, и она тогда была Большим театром. Потом ее подожгли, и тогда она стала Вечным огнем. Потом в нее пустили воду, и она стала Беломоро-Балтийским каналом. Потом ее положили на рельсы, и она стала Байкало-Амурской магистралью. Потом ее растянули над Москвой-рекой, и она стала Крымским мостом. Потом она играла в Театре на Таганке, увлекалась эзотерикой и была Аллой Демидовой. Потом она снимала элитарное кино и была Андреем Тарковским. Потом она снимала массовое кино и была Леонидом Гайдаем. Потом ее долго осваивали, и она была целиной. Потом ее засевали яровыми культурами, и она была пашней. Потом через нее пропускали воду, она давала ток в отдаленные деревни и была Днепрогэсом. Потом у нее росли рога, она давала много молока и была дойной коровой Зойкой. Потом ее разливали по бутылкам, и она становилась водкой «Столичной». Потом ее вынимали из осетрины, и тогда она была черной икрой. Потом в нее положили Ленина, и тогда она была Мавзолеем. Потом она вышла за Ленина замуж, и тогда она была Надеждой Крупской. Потом она говорила с грузинским акцентом, и тогда она была Сталиным. Потом Сталин ее убил, и тогда она стала Надеждой Аллилуевой. Потом у нее появились пять углов, и она была пятиконечной звездой на кремлевской башне.

Потом на нее натянули три струны, и она стала балалайкой. Потом на ней обтесали углы и сняли с нее струны, и она ста-

ла матрешкой. Потом у нее росли крылья, она преодолевала сверхзвуковой барьер и была самолетом «ТУ-104». Потом у нее росли колеса, и она была машиной «Жигули» пятой модели с комфортабельным салоном. Потом на нее надевали норковую шубу, и она рекламировала русские меха иностранцам. Потом ей делали острый нос, и она была ракетой «Земля-воздух» дальнего радиуса действия. Потом ее зарифмовали, положили на музыку, и она была песней «Подмосковные вечера». Потом она много пила, меняла любовников, швыряла налево-направо бешеные деньги и была Галиной Брежневой. Потом она выходила на Красную площадь, кричала «Долой советскую власть» и была диссиденткой. Потом она красиво читала вслух стихи и была Беллой Ахмадулиной. Потом она делалась молчаливой, сторонилась людей, собиралась уйти в монастырь и была Анной Ахматовой. Потом она вешалась и была Мариной Цветаевой. Потом у нее росли брови и тогда она была Брежневым. Потом она лысела и уже была Лениным. Потом она писала стихи и была Пастернаком. Потом она покрывалась броней, становилась танком и танком въезжала в Прагу. Потом советская красота шутила и была Аркадием Райкиным. Потом у нее росла борода, и тогда она была Солженицыным. Потом она тихо пела под гитару и тогда была Окуджавой. Потом она громко пела в Большом театре и была Галиной Вишневской. Потом она становилась поп-звездой и тогда была Аллой Пугачевой. Потом у нее появлялись экстрасенсорные способности, и тогда она была экстрасенсом Джуной. Потом у нее на лбу появлялось пятно, и тогда она была Горбачевым. Потом она разливалась вдоль, вширь и поперек, топила все вокруг и была рекой Волгой в половодье. Потом она становилась Чернобыльской АЭС и тогда взрывалась вся к такой матери.

Советская красота не стояла на месте. Она стремительно развивалась. Каждое новое поколение советских людей было красивее предыдущего. Но что-то тоже теряло. В двадцатых годах у комиссаров был Маркс, маузер, кокаин, римский нос и кудри. Но они не умели ездить на коньках. У коммунистов тридцатых годов не было римского носа. Он исчез вместе с двадцатыми годами. Но зато был Сталин. Любовь Орлова, Маяковский, греческий нос и томный голос. Но они тоже не умели ездить на коньках. В сороковые годы коммунисты потеряли греческий нос и томный голос, но зато у них появились Клавдия Шульженко, боевые сто грамм и военный профиль. Но и они тоже не научились ездить на коньках. В пятидесятые годы коммунисты были еще красивее. У них были Хрущев, оттепель и космический блеск в глазах. Им уже был не нужен военный профиль. Но тоже все еще не умели ездить на коньках. Но самыми красивыми были коммунисты шестидесятых годов. Тогда советская власть придумала фигурное катание. И тогда советская красота плотно встала на коньки и достигла своего пика.

«... Неужели так никто не подойдет ко мне, неужели я не буду танцевать между первыми, неужели меня не заметят все эти мужчины... Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую, и как им весело будет танцевать со мною».

Лев Толстой «Война и мир» (первый бал Наташи)

И что же это было такое – фигурное катание? Олимпийский вид спорта? Балет на льду? Или это были ожившие «Рабочий и колхозница»? Или советские инь и ян?

Советское фигурное катание пришло из ниоткуда. В России всегда и плохо танцевали, и плохо стояли на коньках. В России прилично танцевали только цари и русские писатели. Трезвыми русские люди, даже умея танцевать, танцевать стеснялись. Вообще-то русские люди плохо танцевали всегда, и обычно за них это делали балерины, пьяные, украинцы, цыгане и медведи.

Придумав фигурное катание, коммунисты закрыли пробою танца в корабле русской жизни.

Советское фигурное одиночное катание я совсем не помню. Парное катание тоже не помню. Но все-таки помню. Помню несколько пар. Помню Роднину-Зайцева. Помню Пахомову-Горшкова. Помню Белоусову-Протопопова. Помню их тренера Жука. Помню, что Роднина, Пахомова, Белоусова были маленькие, злые и абсолютно неженственные. У них были мужские попы и мужские глаза. Зайцев, Горшков и Протопопов были, наоборот, высокие и женственные. Тренер Жук больше был похож на фигуристку, чем на фигуриста. Он тоже был маленький и злой.

Советские люди не любили спорт. Они не любили сильных людей. Советских людей в их жизни много били, и советские люди знали: чем сильнее человек, тем он может больше ударить. Но советское фигурное катание советские люди любили. Там все было очень красиво; там были танец, музыка и лед. А танцующий под музыку на льду ударить не может. Если даже ударит, то не так больно, как стоящий без музыки на земле. Поэтому советское фигурное катание все так любили. Его любили дети, подростки и одинокие мужчины, потому что у фигуристок были короткие юбки. Его любили одинокие женщины, потому что у фигуристов были длинные ноги, и фигуристы крепко держали партнерш на руках. Его любили и русофилы, потому что танец сопровождала музыка, которую русофилы считали русской музыкой. Его любили и старые большевики, поскольку вместе с советской красотой прошли весь ее сложный и долгий путь до ее воплощения в фигурном катании. Его любили даже диссиденты. Они искренне надеялись, что однажды фигурист не поймает после прыжка фигуристку, и они оба упадут на лед. Упадут и уже не встанут. Вместе с ними упадет и Советская власть.

Коммунисты были мощные продюсеры. Не имея никакого вкуса, они могли подстроиться под любой вкус. Они могли продюсировать что угодно и кого угодно. Они могли представить эталоном культуры такие маргинальные ее сферы, как опера и балет. Они могли навязать как эталон красоты фигурное катание – абсолютно маргинальный вид спорта и априори понятный только для посвященных, где предельно сложные правила, где нет прямого контакта спортсменов, где победа присуждается только по очкам. Но его любили все. Но тайну своего продюсерского дара, как и все свои остальные тайны, коммунисты, кажется, навсегда уносят с собой. У коммунистов нечему учиться. Но в плане продюсирования красоты есть чему поучиться и у коммунистов. ♦

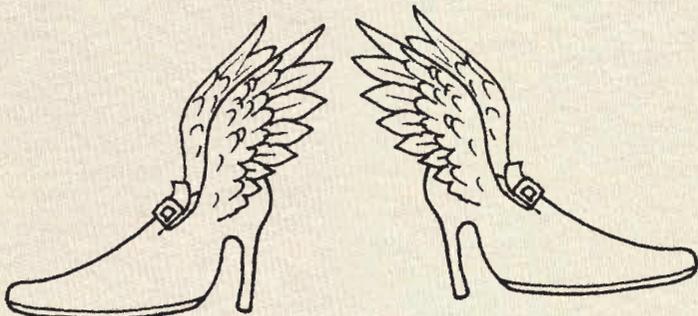

Рисунок Кристины Зейтуян-Белоус

Дмитрий Чирказов
Дюссельдорф, Германия

Двухязычная комбинаторика

Stay,
косяки стай
пускай напрямки
в sky.

Примечания:

Stay – стой, подожди (англ.)

Sky – небо (англ.)

Вот и ты, знаю
what it is now.
Where are you?
Во раю.

Примечания:

What it is now – что это теперь (англ.)

Where are you? – где ты? (англ.)

Ich kenne die,
их Кеннеди.

Примечания:

Ich kenne die – я знаю их (нем.)

Mein Leben –
молебен.

Примечания:

Mein Leben – моя жизнь (нем.)

Шли мимо стен -
schlimm im Osten,

Примечания:

Schlimm im Osten – плохо на Востоке (нем.)

Achtung, Russen!
Ах, тунгусы...

Примечания:

Achtung, Russen! – внимание, русские! (нем.)

Brot
доброт.

Примечания:

Brot – хлеб (нем.)

Владимир Монахов

ДООС – браскозавр

Братск

Тишина *звучащая*

Константину Кедрову

*И молвила тишина:
Звени и будь!*

*И разбрасывал зерно слов
Повсюду, где только можно,
Белым и черным глаголом
Посеять богомассы звук.*

*По столбовой дороге поэзии,
Всюду отшумел тишиной.*

*А когда тишина отзвучала,
То двинулась новая сила
Отыскать следы Слова,*

*Чтобы Песнь Песней сжать
Тишину звенящую.*

Света Литвак

Хоровод

Наталья Никифорова

Я, как цыпленок, вылупляюсь из не колючей лиловой розы,
Глотаю первый раз воздух, пью вечерние росы.
Заворачиваю свое нежное раннее тело в облако зимней грозы.
И, конечно же, плачу. Пока еще неумело, тихо, но до последней слезы.

Я рождаюсь для новой жизни, с переходом из никуда в куда-то.
И с разбега прыгаю в это новое, и уже не вернусь обратно.
Я сдираю кусками старую надоевшую немного колючую кожу,
Как змея оставляю ее на ступеньках рая, в прихожей.

От души отрываю близкое с кровью и болью,
Нити рву, заполняя пустоты меж вечностью и любовью.
Уходя, прихожу, открывая закрытые двери.
И взлетаю, снова в себя поверив.

Если лететь поперек неба, можно услышать, о чем говорят облака.
Если лететь поперек времени, можно узнать, зачем нам вечность дана.
Если просто брести вдоль берега, ногами шурша по песку,
Можно увязнуть в настоящем времени, забыв вспоминать высоту.
В разных мгновеньях разное прячется. Порой одна пустота.
Может она тишиной обозначится, а может сомкнуть берега.
Пустота она пустой только кажется. Она наполнена тишиной.
И если кто-то отважится шагнуть в пустоту, он обретет покой.
Если лететь поперек себя, можно услышать мысли.
Не просто услышать, а даже понять их глубокие смыслы.
Возможно, даже понять себя, но это ужасно сложно.
Очень мешает нам отсутствие пустоты.

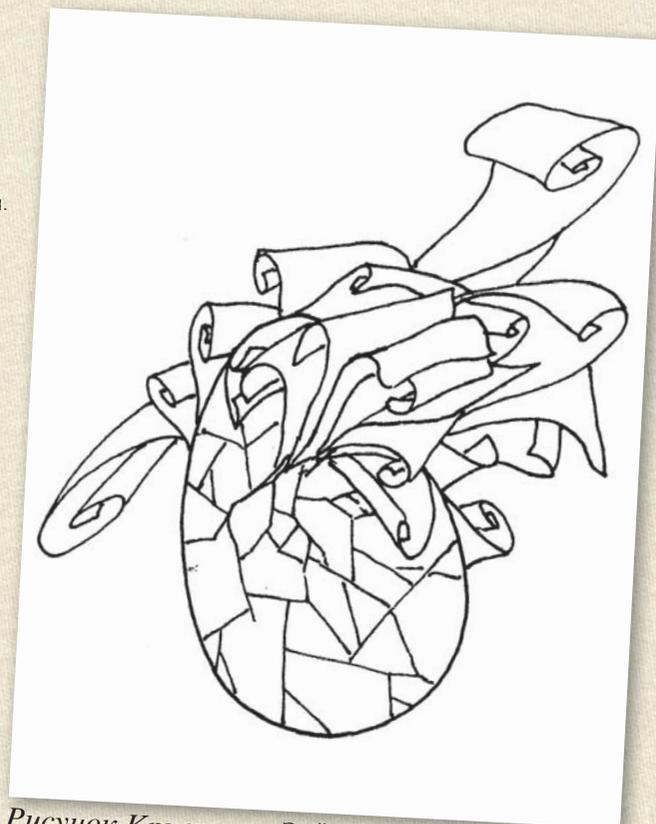

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Феликс Гринберг

Нетания, Израиль

поэзия – это молитва
о дожде
даждь нам днесь
дождь нам насущный
хлеб есть
даждь несть
нет дождь
ждёт тень
сорок дней
срок чей
мал молил – даждь
вот тот ил даже
и жди
дождь и был
ибылибылибыл
лыбилибылиби

поэт развернул строку
надо спасать мольбу

и был ибыл и был
буль ибн мабуль
топи потоп и пот
буда и потопа, а, дуб
идаждь и дождь идождь
намолил
лило нам
нам, о, лил

Молитва поэта

я лилия я или ля
а дев ли или ил вед, а
верни молитву
свистать назад
срочно палиндрочим
потоп-поп потоп
дай нам ман йад
ман верзи из рев нам
м... Арарат – тарарам
а татар –то тут– о... тратата
ух, ярь ряху
мичурин ниручим
и Боги Гоби
и Бог и Гоби
тенет а Шин ниша
а Шин ниша тенет
надо, суки – и кус о, дан
нам как манн
даждь нам здесь
влд дов

мёд ведь дев
ведь дев мёд
сия депрес сия
синаяская

нам
елена

елеем
никана
ана- цин
ниц-ана
тема тёмы
тьма-эмет
дождя ждя
амен
а им
бедуим
караван нирвана
а наври нам иврим
беду им
нарг ила или али гран
мак с утра
суси мен – нем исус

и нет тени

и моли Бога – а Гоби ломи

Машъ дали каши.
Рыбы было мало.
Дунъ дали маку.
Маша была рада маку.

Лев Толстой
из «Новой азбуки»

Евгений В. Харитоновъ

Академия зауи

(анагриф-диалог с элементами
логогрифа, омограммы, метаграммы,
палиндрома и разносмысла)

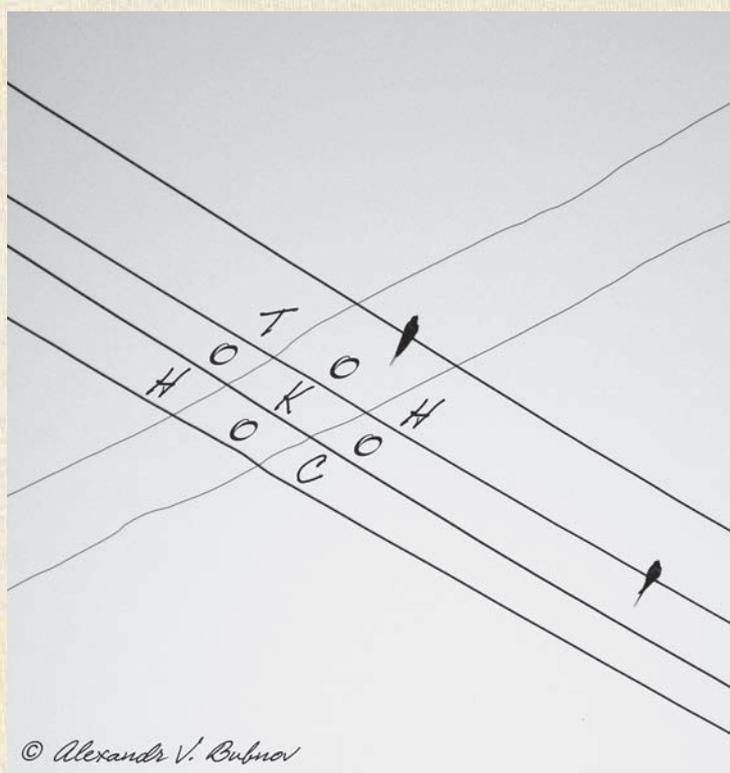
- За МКАД – Ад?
- Зауад.
- Ум у дам – яд?
- Дам ум зауи.
- За ум дам (и уд)!
- За дам зад!
- За дам!
- А за Музу?
- За ум и Музу дам МКАД и уд иуд.
- Иудам зад за ад!
- Я им задам!
- «УАЗ» за АЗ!

- «УАЗики» Зау, едем за МКАД!
Задами!
- За МКАД?
- Мека Зау – АЗ ЗАУАЗ – за МКАД,
заза.

03.08.2007

Александр Бубнов

ДООС – палиндрозавр

© Александр В. Бубнов

Лия Либерова
(1948 – 2010)

Эзотерические и романтические корни метасюрреализма

Константин Кедров и Хорхе Луис Борхес – космические эзотерики.

Часть 1. Экспрессии.

Я бы отнесла их творчество к «Малым мистериям». Это мистерии, проигранные как бы вполголоса, или не до конца, «инициированный» (автор) спрятан за завесой маски, как в театре НО или за завесой снов-масок, то есть в «предтексте» или «послетексте», как у Беккета или Ионеско, шифр предохраняет нас от гогота профанов и подонков, он делает автора почти несуществующим, поскольку в 21 веке автор «мешает» Мистерии, его, субъекта, комментарий, почти не нужен, нужен только сам, поданный автором, «объект», больше ничего.

Подобная мистериальность, «объективизация», «романтический ноль», характерен для всего искусства 20-го – 21-го веков. Она создает из автора «скромника», «послушника», «косноязычного» комментатора и странника монашеского склада.

Он, автор, как бы подглядывает за субъектом-объектом из Космоса или из-за дверной щелки. Лучизм и вообще космизм скрябинизма – часть его (их) сущности, как творцов Мистериального и «вечно женственного». Они творцы мягкие, как змий, вообще земноводные, они податливы, как женщины и влюбчивы в объект, как влюбчивая провинциальная дама в кавалера.

Эти «скромники» искушали сами себя за хвост, как змеи, почти уничтожив этим «форму» (старую, во всяком случае) и бесконечно создавая бесчисленное количество формобразов, но как-то женственно, мягко и не очень решительно, скорее утонченно, чем экстажно или грандиозно. Как же они эзотеричны (почти истеричны!), всё время фантазируют и «врут», не зная к читателю, особенно банальному, никакой жалости! Мистификаторы «до» и «от», «под» и «над».

Это – мнящий и возмнивший, творящий Новую Бездну для лжи, поэзии и любви, и ее, «Бездну», он высверлил своим жалом и свистом сам. Где их сад? В чашобе бесхребетного Слова и размягченного до геля или желе беспредмета. Кто их Ева? Аве Лилит – святая, позорная, неприлично-свободная... Дьяволица, как о том повествует Каббала?

Да-да! Ничейная ночь, чей язык так бескостен, что стал почти прозрачным, гибким, звездистым, но сильно ранящим и жалящим жалом.

Бабочка-кокон-бабочка-облако-звездная пыль-просто небо-ноль-пустота-распыленная миллионкратно сущность-ночь. Мол, манящая за ним сирена – и – гибель «смыслу» и «богам»...

Привет, лamy «малых Мистерий»! Под предлогом ночи и неясных пока Деяний – Де Я, не к вам ли я иду?

О И-Де-Я, где же я? не к вам ли я иду с завязанными от ослепления глазами? С ушами, залепленными воском?

Ох, Луч, слепящий змей! Пора заточить свой нож!

Часть 2. Объективизации. К вопросу о перчатке

Мистериальное Действо есть предступень к Блаженству.

У Кедрова и Борхеса превалирует Мистерия Одиноких, приближающаяся и смыкающаяся с Инициацией и инициированностью.

Однако, эти микромистерии – мистерии букв, (у Кедрова и нот), переходят, видимо, в макро – во всяком случае о мистериальности букв микро-макро нам подробно и убедительно рассказывает Книга Сияния каббалистов Зогар. Герой Борхеса «иницирован» «унижаясь», сидя в подвале и узрев Центр или Пуп земли, и таким образом уразумев некий «Вселенский» замысел и смысл.

Герой Кедрова «иницирован» «возвышаясь» прямо на подмостках, ибо он – актер жизни сей, однако он и Дон-Кихотствующий, и крестоносец, пытающийся Предступень к Блаженству превратить в битву – деянье во имя отцов и во имя Божие (Гамлет). Однако, если Предступень к Блаженству вывернута Героем-Гамлетом в кровавое деяние – Битву во Имя, драматизирована и инструментована, как акт смерти, рассмотрим, разглядим более пристально, что такое «выворачивание» по терминологии Кедрова. Итак, это прежде всего (у Кедрова) Космическая Игра наизнанку – вывернутое земное в Космосе, а это есть демонический жест и Подвиг, почти Прометеево действие, восстание Детей против тирании Отцов, демонический романтизм «низвергнутых» и «оскорбленных», в то же время вызов, брошенный Космосу (перчатка!) И еще один, почти «кровавый» вызов – ее выворачивание, вызов, устремленный в космогонию.

Однако, по некоторым предположениям, и это не все, так как «выворачивание», как некий, особого рода, маятник, может длиться бесконечно, по музыкальной терминологии «бассо-остинанто», а проще говоря, стать чем-то вроде вечного двигателя и, наконец, превратиться просто в космически-пульсирующую точку, эманулирующую божественно-демоническими и наоборот вибрациями – стать звездой-пульсаром.

Более земное «выворачивание» у Борхеса – примеров множество – Минотавр в лабиринте зеркал уже не Минотавр, а страждущий рыцарь-пленник, но чем больше зеркал, тем больше обликов и судеб и т.д.

А не есть ли все это просто «Черный Романтизм», сдвинутый в сегодня? Однако Черный Романтизм юродствует, кривляется и бьется в припадках сардонического, отражающего самое себя многократного хохота, ёрничания, иступленного топтания всё и вся (это уже более поздняя градация и ступень, и ближе к началу 20-го века, к экспрессионистским и футуристическим веяниям, к «нулевому» моменту «всеотрицания».

А не заточил ли себя Черный Романтизм в Черный Квадрат? Не высший ли это жест юродства?

Однако Кедров проходит и этот путь, во всяком случае, «юродство» как футуристический и неофутуристический

минимум, стартовая полоса, точка отсчета, ему не чужд. Борхес же, все-таки, остается просто черным романтиком момента вечности, устремленный вглубь себя, в песчаные дюны или в зеркала, он видит странный и страшный Путь-деянье, подступающие прямо к нему, минуя и преступая очерченный “магом” круг, фигуры “перед” и “после” лезут в уши и глаза, сыплются песком, лопаются, рождаются и умирают, кривляются в зеркалах, ёрничают в борделях и пивных, разглагольствуют суперучено – исчезают – появляются опять.

Однако же, какова цветовая гамма этих пост-романтических или даже постсюрреалистических юродствований, страхов, воплей, восторгов, выворачиваний, попыток Донкихотствовать и бродяжничать, криков души и телесных, невыдуманных мук? Кедров одно время был приверженцем “автоматической” манеры письма, Борхес был прикован, как Прометей к скале, к потоку под-пред-после-сознания, фиксировал весьма тщательно свои “видения”, сублимируя и изгоняя, таким образом реальную слепоту.

Итак, серебряно-желтый, с примесью черного, Борхес эмануирует желтизной, источая желто-лимонную и “земную” луну и лунные, отраженные в электричестве, полукружья.

Кедров же весь в белом, как маг, осенен вспышками, как миг, который может повториться еще и еще... Он очерчен квадратом, кубом, футурфигуризацией, иногда это просто яростная пульсация-точка. Он эмануирует Венерой в мягкой зелени. Далее – белой чернотой.

Итак, у Борхеса “малые мистерии” – “Начала” – Буква Алеф, у Кедрова – “малые мистерии” – “Движения” к “пред-граалевой” жертве и “пред-граалевой” крови в сочетаниях целого ряда русских букв.

Эмануирующие сущности Борхеса – люди-оборотни. Интерьер – ландшафт – вечно-изменчивый лабиринт.

Эмануирующие сущности Кедрова – сплюснутые Космосом люди ТУ-сфер.

Интерьер – космически-земной полээкран.

Свободная Каденция

Море пуантилистично, песок – тем более.

Пуантилистичен вставший на цыпочках человек, выбрасывающий в Космос перчатку, алеаторична брошенная в Космос перчатка, как брошенные наугад кости. Ведь куда она, перчатка, точно попадет, не знает никто.

А бутылка с рукописью, выброшенная в море? Такого не было раньше, но оказывается, такое может быть. Так бывало. Почти. Всё же. Не совсем так. У Кедрова пример с перчаткой в Книге, т.е. почти во сне, в воображаемом Действе, у других – пример с бутылкой – наяву.

Если бы Борхес выгреб весь песок или просто перевернул земную кору, он попал бы в лабиринт, неважно, улиц, заведений или зеркал. И произошло бы квази-повторение и возмущение земной коры.

Если бы Кедров вывернул перчатку-посланницу, начался бы микрокосмический бунт или возмущение в Космосе. И опять – произошло бы восстание – квази-повторение. Но что-то подобное было – не совсем так.

Об этом – выше...

И опять – кто вывернул раз, тот будет выворачивать бесконечно, вечно. И что-то добавлять, потому что дважды в одну реку одинаково, даже если это песчаные барханы или космически-дышащие сферы, нам не дано войти. И вообще, повторения не существует, об этом говорит Кьеркегор – это общеизвестно. Об этом говорит Моцарт в своих сонатных и симфонических квазиповторениях, то есть репризах. Потому что существует экспозиция – зерно-данность и разработка – почти целая жизнь. Есть еще реприза – Итог. И Моцарт,

равно как и любой другой великий, смеется над нами, когда мы этого не понимаем.

Это ли не Сизифов труд? Но Сизиф был первым каменщиком и, по-видимому, первым камнетесом-скульптором. И шоуменом.

Так возникли явления искусства – скульптура, хеппенинг и перформанс – почти “малая мистерия”, и бунт наизнанку, уже земной, против “отцов” – патеров. Демонический вскрик – прыжок и падение с перчаткой в руке или без... И опять...

Кода или послесловие

Библейские тексты свидетельствуют, что мистериальный акт “выворачивания” известен с древнейших времен. Вспомним жертвенный нож, занесенный Авраамом над сыном Исааком. – Выворачивание? Демонический жест? Палиндром предсмертья? Что же сие? Принесение в жертву ягненка, распинание птиц, зверей, жаб прекрасно известно священникам, колдунам и магам.

Что же касается Книги Иова, одной из главнейших Книг Библии, то что, как не жест « вывернутой перчатки» заставляет Господа ниспослать Сатану на землю с целью «проверить» и «выяснить» степень праведности праведника, повергая его в тяжчайшие житейские невзгоды, вплоть до проказы, разорения и смерти близких.

Этот же «театрально-смертельный жест» нам до боли знаком и в «Фаусте» Гете, и вообще, в так называемой Фаустиане, к коей, конечно, можно причислить и «Мастера и Маргариту».

Итак, Борхес «вырвал» Минотавра из лабиринта зеркал (жизни и «квазизжизней») и освободил ценою смерти, создав тем самым Альый футурромантизм и «тайное» эзотерическое, мало-мистериальное действо – перформанс.

Кедров же разомкнул Черный Квадрат прямо на сцене, т.е. эзотерично «освободив» Черный футурромантизм, и создав свой – Белый, и почти экзотерическое, т.е. в данном случае открытое разным ветрам Действо. И опять – там, у Борхеса, – «маска» и почти подполье (как у Сартра в «Затворниках Альтоны»), тут, у Кедрова, жест вверх, даже вывесь, и сцена, и так без конца...

Passionarii. Выворачивание как Вечная Изменчивость

Выворачивание, театрально протягивающее нам себя, т.е. Искус Страданием, есть мужское-женское Космическое Начало, оборачивающееся земным ликом, как в блоковской «Незнакомке» (пьесе), или у Скрябина в 5-й Сонате. Это Двуликий Янус, Мистериальные «усмехающиеся», плачущие и победные голоса в «Прометее» и «Предварительном Действе». Реки, текущие вспять и опять из устья, речь, вывернутая вечно текущим палиндромом, «Зеркальная» и расходная фуги и отраженные филоновские миры, Змій, подающий нам первый плод Міра, дабы мы его вкусили. Смерть, подавшаяся Воскресению, нож, запущенный в своего зеркального двойника...

И... на этом мы сделаем остановку и, пожалуй, передохнем...

Фэнтези

P.S.

Фэнтези

У Кедрова дома, на антресолях, живет кукушка. То есть, когда-то на этих громадных антресолях жила прислуга, а теперь вот так – кукушкина комнатка-каморка. Иногда она спускается вниз, в прихожую, с завязанными, как у Фемиды, глазами и двумя микроскопическими, едва заметными весами в передних лапах. Так что, что теперь будет и как, зависит только от нее... ♦

**Диван набатейской поэзии
его Высочества правителя Дубая,
премьер министр ОАЭ
шейха Мухаммеда
бен Рашеда Аль Мактума**

«Я не написал ни одного стиха о том, чего не переживал. Все мои поэмы рождены личным жизненным опытом. Красота – мой источник вдохновения в поэзии и в жизни вообще», – говорит правитель эмирата Дубай шейх Мухаммед бен Рашед Аль Мактум. Он – известный народный поэт в государстве Объединенные Арабские Эмираты, в состав которого входит Дубай, и во всех странах Аравийского полуострова.

К...

Ты такая, как есть, и при всем, что прошло,
Всех дороже. Не знаю я равных тебе.

Говорю откровенно, не прячась от слов,
Ты – мечта моя первая, до и теперь.

В твоём имени* смысл мое сердце нашло,
Отражает оно твою сладость в себе.

В нём таится родных ароматов тепло,
Если звуки его на свой лад перепеть.

Твоя жизнь в моей жизни имеет залог,
Бесконечный, пока моей жизни гореть.
О, луна пречистойшая, лун оселок,
Моя роза, левкой и жасмин, свет очей,

Лишь появишься, час твой как вечности срок,
А уйдешь, – жду тобою открытых дверей.

Ночь сменяется ночью, порогом – порог,
Ни меня не меняя, ни радости дней.

Госпожа всех красавиц всех рас и пород,
Страсть в приливах, отливах без счета ночей,

Ночь с тобой - это та, когда пишется рок**,
С того дня, как узнал тебя, дева страстей.

27.04.2000

** Хинд. Если переставить буквы и прочитать его как Дихн, – слово будет означать используемый в арабских курительницах индийский фимиам.*

*** Имеется в виду известная в исламе «ночь предопределения», в которую определяются судьбы. Буквально она называется ночь рока, судьбы.*

Любовь к ней сжигает как пламя огня,
Увидев, забыл всех, кто был у меня.
Не страшно, что может уйти связи нить.
Но как бы ее навсегда сохранить.
И если злословцы меня упрекнул,
– На слух не услышу, на ум не возьму.
Безлик весь народ, кто придет, кто уйдет.
Все люди – она. Остальные не в счет.

В твоих чертах ищу я меру красоты.
О, красота, но в чем твои пределы.
Смели мой дух прекрасные черты,
А плоть все еще славит это тело.
С тобой утратил свойства прямоты,
Измучен близостью, отпором смелым,
А чувство, что во мне вселяешь ты,
Оно от тайны глаз иль щек созрело?
Ужель любовь рождает лишь мечты?
Тому, что видим, чувствуем всецело,
В словах эквивалента не найти.
Любовь – безумье, колдовское дело.
Услада страсти вяжет жизни стиль,
Обеты вырывает как победы,
Грозит, что вечно, на любом пути
Черты ее пойдут за мною следом.
На север, юг, куда бы ни уйти,
Не встретит глаз мой незабвенней девы.

Мама

Сколько ночей не падет,
Память в груди все живет.
Лучше луны не взойдет.
Песнь тебе сердце поет.

Нет тебя, мама, милей,
Ближе, дороже, родней,
Сердцем не знаю знатней
Имени, чем твоё.

Ты колыбель теплоты,
Ласки, покоя, мечты.
Времени как бы ни стыть,
Чувство к тебе не пройдет.

Ты осеняешь мой день,
Ты моя лучшая тень,
Сразу спешу в твою сень,
Как только день настает.

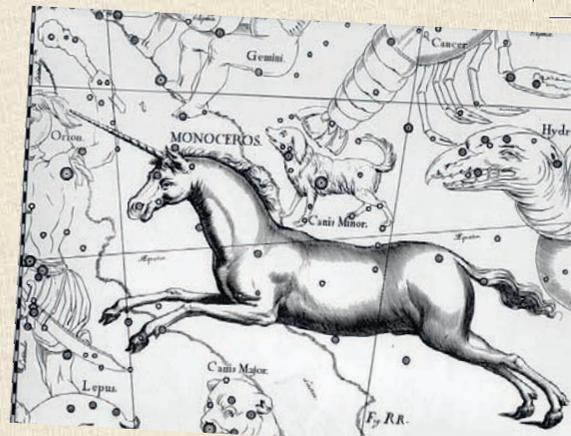
Сердца тобою полна
Память от сна и до сна.
Ты в моем сердце одна
Вечно, всю жизнь напролет.

28.02.2000

*Перевел Виктор Лебедев
кандидат исторических наук*

Милагроса Ромеро Сампер
Мадрид, Испания

Из книги «Единорог»

Единорог из атласа Гевелия

Зрение

*La dama sostiene un espejo
Donde se mira el Unicornio...*

Дама держит зеркало,
В которое смотрит Единорог:
Смотрит и видит впервые,
Узнавая и не узнавая себя.
И зеркалом преображенный,
Даме свой взгляд возвращает,
Которая гладит его шею, полузакрыв глаза,
Потому что видит также по ту сторону,
В глубине души.

Один только взгляд
Весь мир обнимает, преображая.
Один только взгляд —
Суть врата Бытия, бесконечного.
Взгляд — это видеть, открыться, принять.
Видеть: постичь глубину.
Истину и любовь:
Познавая безмолвно.

Музыка – слух –

*Vuelan, altos, los halcones y las avefrías.
Vuelan, altas, las notas de música...*

Летят, высокие, соколы и чибисы.
Летят, высокие, музыки ноты.
Единорог вслушивается
В ноты маленького органа, на котором играют,
стоя, дама и ее девушка.

Обращенный в слух.

Слушать: слышать в воздухе.
Слушать: слышать в глубине.
Улавливать самые легкие колебания.
Волнение духа.
Чтобы слушать: тишину
(музыку мира)

Le toucher – осязание –

*La dama, de pie, posa la mano en el cuerno del unicornio,
Rozándolo apenas con sus finos dedos...*

Дама, стоя, кладет руку на рог единорога,
Едва касаясь своими тонкими пальцами.
Единорог возвращает ласку взором,
В то время как она держит уверенно знамя
И смотрит перед собой.
Лев, животное-воин, улыбається.

Ощущать душу пальцами,
Ощущать на теле взгляд.
Расстояния не существует:
Всё едино:
Пространство и форма,
Материя и энергия,
Скорость и свет.
Чистое желание
(коснуться невидимого?)

Вкус

*Con la mano enguantada,
La dama ofrece al periquito una fruta..*

Дама берет из чаши ягоду
И дает ягоду попугайчику,
Сидящему на ее одетой в перчатку руке.
Единорог смотрит на нас, почти недоверчиво,
Улыбаясь, с поднятыми передними лапами.
В ногах собачка, умоляюще
Просит свою долю.
И лев облизывается (или рычит?)

Вкус: вкусить.
Наслаждаться: жизнь.
Смаковать: плод,
Который растет на цветущих деревьях,
Круглый: весь мир.
Вкушать: познавать.
Цепь воспоминаний...
Связь внутренняя и глубинная.
Понятие бытия.
На нас смотрит единорог.

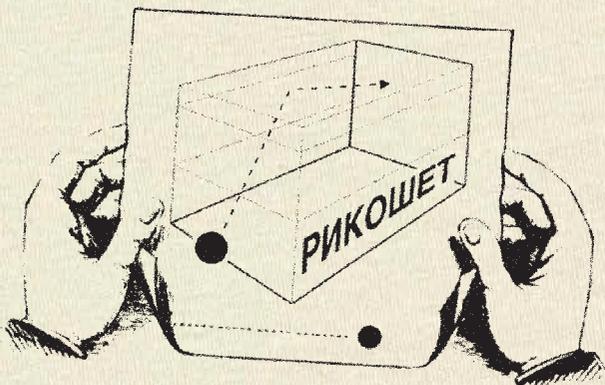
Обоняние

*Trenza la dama coronas de flores,
Atenta, por una vez, a lo que hace...*

Дама сплетает венок из цветов,
Внимательная, на этот раз, к тому, что делает.
Обезьянка вдыхает ее благоухание.
И единорог, опершись о древко
Знамени самого себя?

Благоухание, собственно эссенция
(Эссенция = бытие)
Источать: рассеивать, излучать.
Излучение бытия, которое влечет.
След.
Неощутимое чувство, которое приближает далекое.
Интуиция, предчувствие и блаженство.
Неотмирное упоение.

Русский вариант –
Сергей Бирюков & Михаил Евзлин

Здравствуйте, уважаемый Поэт Константин Кедров! Пишет Вам человек, кот. глядя себе внутрь иногда видит там гордый силуэт настоящего поэта. Меня зовут Язданов Эдуард Ильдарович. Хотя я еще в школе сильно размышлял над литературой и пытался что-то писать, но только сейчас я обретаю себя. Мне всегда нужно было вначале понять, что я хочу, разработать теорию прежде чем сесть, скажем, за стихотворение.

Так я в ходе разнообразных размышлений пытался решить для себя главные вопросы поэзии (как мне кажется). Как-то я усиленно бился, каким должен быть образ в моей поэзии, каковы его ключевые понятия для меня. Я вопрошал: А возможен ли такой образ, кот. бы чуть ли не с научной точностью и полезностью отражал то, к чему его поэт приложил? Чтобы образ не описывал, а объяснял, служил познанию.

Через некоторое время мне случайно в руки попала Ваша книга «Поэтический космос». Я поразился, прочитав Ваше определение метаметафоры. Это ж именно то, к чему я интуитивно пришел!

А ведь моя интуиция начала меня вести, столкнувшись с В. Маяковским (кстати, я, как и Маяковский, родился 19 июля). Когда я читал «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник» и др., я недоумевал: неужели это просто метафоры! Итак, по сути я с Вами согласен...

На самом деле силлаботоника позволяет многое воплотить и даже прекрасно подходит для реализации интеллектуальной поэзии. Дело в том, что я уверен, что поэзия XXI в. – это поэзия для совершенствования интеллекта человека, поэзия, кот. станет побуждать читателя к мыслительной деятельности, раскрывать способности к познанию (в первую очередь).

Но интуиция мне подсказывала, что предсказуемость строк классической (пушкинской) силлаботоники, видимо, надо преодолевать... Возможно ли найти какое-то взаимное согласие между классическим пониманием внешней цельности и новыми идеями, новым видением стиха? Примирить старое и новое?

Все очень туманно. И я изъясняюсь туманно. Все это основано у меня на одной интуиции (поэтому прошу Вас не судить меня строго, если я запутался и т.д.), и пока что ясными понятиями сформулировать свои идеи я не в силах.

Я знаю про анаграммы, палиндромы и т.д. Анаграммы можно мыслить как центр стихотворения, и еще много чем.

Кроме того изучаю мифологию, фольклор и т.д. в основном: 1) тюркский (особенно чувашский) 2) славянский 3) германский (скандинавский). Захвачен хлебниковской идеей создания (или возвращения) единого праязыка для всего человечества.

Еще многое можно было написать, но на это потратилось бы уйма страниц, поэтому я останавлиюсь.

Это письмо написано от простого одиночества, от потребности поделиться своими мыслями и чувствами с близким по духу человеком, каковым, мне кажется, являетесь Вы, уважаемый Константин Кедров.

Надеюсь, Вы ознакомитесь с содержанием этого письма. Спасибо.

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты», Константин Кедров,
Елена Кацюба

Идея журнала и творческая концепция

группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, ассоциации поэтических обществ UNESCO, Факультета Поэтов и Философов Московской академии образования, при поддержке РОО «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков – доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов – доктор филол.наук;
А.Витухновская; Э.Гусейнов – кандидат исторических наук;
К.Ковальджи;
А.Кудрявицкий (Ирландия); **Б.Лежен** (Франция); **В.Нарбикова; В.Рабинович** – профессор Института культурологии

Арт-директор – **Игорь Маркин**

Дизайн обложки и логотип –

Андрей Врადий

Дизайн номера – **Елена Кацюба**

Рисунок на 4-й стр. обложки –

Александр Федулов

Знак «Рикошет» – **Андрей Врადий**

Знак «Из ПОртфеля» – **Елена Кацюба**

Знак «Литературный ремикс» –

Кристина Зейтунян-Белоус (Франция)

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.

Тираж 1000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 25 октября 2010 г.

Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

123056, Москва, Большая Грузинская, д.42
помещение 1

Телефоны:

(499) 791 0398 – для справок

(499) 791 0403 – распространение

(499) 791 0409 – факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

пришел в веселую ком
всем очень хорошо, все
что они дела

ПЛАНИЮ
ЗНАЮТ,

УБИД

СТРАДА

СТРАДА